

The background of the cover is a dramatic illustration. A woman with a high ponytail, wearing a dark green dress, stands on a rocky outcrop with her hands on her hips. She is holding a long, dark staff or sword vertically behind her back. She is looking towards a massive, glowing mountain peak that resembles a giant's head, with a bright light emanating from its center. The scene is framed by dark, silhouetted trees on either side, and the overall color palette is dominated by warm oranges, yellows, and greens.

Юлия Жукова

Что ты
несёшь
с собой

Часть I

Юлия Жукова

Что ты несёшь с собой. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69384790

SelfPub; 2024

Аннотация

Раньше моя семья охотников на демонов была под божественным покровительством и располагала огромной силой, но из-за подлого клана Саинкаеу всё изменилось. Мне не остаётся ничего, кроме мести, и средства выбирать не приходится, тем более, что мне и так выпал смертный жребий. Вот только судьба подбрасывает неожиданный шанс: чтобы проникнуть во вражеский клан и отомстить, мне понадобится выйти туда замуж. Что ждёт меня там? Мсть и смерть в бою или бесславная жизнь при ненавистном муже? А может, помимо личной жизни придётся закатать рукава и заняться наведением порядка в делах клана, ведь они далеко не в идеальном состоянии...

Примечание:Версия редакции обновлена 24.01.24

Содержание

Глава 1 Хозяева гор	4
Глава 2 Город	19
Глава 3 Торг	34
Глава 4 Весёлые хлопоты	54
Глава 5 Свадебное вино	83
Глава 6 Оплетённая гора	97
Глава 7 Права и кусты	120
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Юлия Жукова

Что ты несёшь с собой. Часть I

Глава 1 Хозяева гор

– Что ты несёшь с собой?

Самка горного ба спрыгнула с ветки прямо на тропу. У неё было нежно-голубое тело, будто завернутое в мантию из вещества небесной тверди. Голова, похожая на коровью, размерами не отличалась от человеческой и оттого смотрелась даже мило. Солнце сияло меж рогов – ба стояла лицом на запад, а сейчас только-только занимался восход.

Ну как стояла – ног как таковых у ба не наблюдалось, просто её длинное тело внизу истончалось и постепенно сходило на нет. Большинство учёных, однако, описывали ба как одноногих, потому что на земле после них оставались следы от единственной птичьей лапы, невидимой глазу.

Я залюбовалась и чуть не забыла ответить, очнувшись только когда ба принялась нетерпеливо перебирать пальцами с длинными крючковатыми когтями. Они стучали друг об друга, как чётки у махарьята-отшельника. Спohватившись, я скинула одну лямку заплечного мешка и перетянула его

наперёд, чтобы засунуть туда руку почти по плечо. Это был вселенский мешок, а потому влезало в него намного больше, чем казалось на вид. Пришлось хорошенько порыться, прежде чем удалось извлечь на свет небесный две коробочки: румяна из розовых лепестков и рисовую пудру.

Неловко запихнув мешок обратно за спину, я поклонилась и преподнесла подарки двумя руками.

– Всё для твоей небесной красоты, хозяйюшка!

Горная ба выхватила коробочки из моих рук и аккуратно открыла – как она умудрилась это сделать такими когтищами, я могла только догадываться. Демоница – а горные ба формально считались демонами – тщательно изучила косметику и довольно прикрыла глаза, переливающиеся, как чёрный жемчуг.

– Спасибо тебе, странница, да будет век твой долог! Хочешь ли предсказание или какую другую услугу?

– Мой путь лежит на восток, за четыре горы отсюда, – сказала я, кивнув за спину ба. – Если защитишь меня ночью от тигров, большего мне не нужно.

Ба повернула голову в профиль, демонстрируя маленькие пёрышки, что росли под её ушами наподобие серёг.

– Три горы на восток отсюда мои, – сказала она. – Но на последнюю я не пойду.

Я пожала плечами. Три горы – это три ночи, в которые не придётся ставить сторожевой контур и спать вполглаза, а то и вскакивать среди ночи, чтобы отогнать хищников заго-

ворённым факелом. Горы принадлежат амардам, а в их отсутствие – ба, а в их отсутствие – тиграм, и убить хозяина горы означает навлечь на себя гнев богов и семижды семь несчастий, поэтому я бы не рискнула обнажить меч против хищника. Если ба защитит меня на трёх горах, последнюю я преодолею одним днём.

– Хозяюшка очень добра, – улыбнулась я и поклонилась.

Ба кивнула в ответ, ещё раз поблагодарила за подарки и растворилась в воздухе. Она не ушла, просто стала невидимой. Я всё ещё чувала её рядом с собой. Любой нормальный махарьят – или, в моём случае, махарьятта, – мог чувствовать присутствие демонов.

То есть чували мы, конечно, просто махару – жизненную силу, наполнявшую и людей, и нелюдей, но только демоны могли становиться невидимыми.

Демоны возникают в мире, когда люди нарушают вселенский закон. Тогда в ткани мира открываются прорехи, и демоны могут в них пролезть. Многие из них приносят людям несчастья, хотя бывают и безвредные, особенно если знать, как с ними обращаться. Те же горные ба вполне безобидны, разве что могут утомить неприветливого путника расспросами, поэтому, если ваш путь лежит через их владения, лучше прихватить пару подарков и откупиться, заодно получив себе верного телохранителя. Но есть и такие демоны, которых следует изгонять или уничтожать, чтобы они прекратили вредить. Это помогает на время, но не навсегда: если лю-

ди не праведны и продолжают сопротивляться мировому порядку, новые демоны не заставят себя ждать.

Конечно, обыватель не может знать наизусть, с каким демоном как лучше обойтись, а если бы и знал, не отличит одну разновидность от другой, а уж если придётся сражаться, не сдюжит, ибо для борьбы с демонами используется махара, которую ещё и нужно искусно направить. Это всё – работа для махарьятов, и за это обыватели нам платят медью и серебром, а особо зарвавшимся кланам, бывает, и золотом. Вот Саинкаёу, например...

Однако праведный махарьят не применяет силу там, где этого можно избежать. Не со всеми демонами надо справляться при помощи махары – часто проблему можно решить менее затратными методами, и последние годы наш клан сильно поднаторел именно в них, вспомнив прежние годы скитаний.

Мой дед пришёл на Жёлтую гору ещё до рождения отца и привёл с собой пару младших друзей. Пришёл он не просто так: по невероятно удачному стечению обстоятельств он прознал, что несколькими годами ранее там поселилась Ари́ Амардави́ка Чали́та Интура́т.

Амарды рождаются, когда вселенский закон соблюдается достаточное время, чтобы накопилась благодать. Никто не может сказать заранее, где и когда появится амард, и тех ли людей он благодетельствует, из чьей праведности возник, или вовсе других. Таково равновесие вселенского порядка.

Наша амардавика недаром носила титул Ари – добрая. Она делилась махарой так, как солнце делится светом в ясный день. И все дни были ясными. Дед с друзьями и жёнами вычистили всю нежить на горе и на три дня в любую сторону. Город у подножия расцвёл, а наш клан произвёл множество детей, чтобы род жил и рос, питаемый божественной махарой. Пусть амарды не совсем боги, уж точно не такие боги, что живут на небесах и управляют судьбами, но век их настолько долог, что людям пока не удалось точно определить его продолжительность. И уж если махарьят нашёл нового амардану́ра или амардавику, то ему больше не о чем мечтать – плодись, сколько сможешь, и пусть твои дети и дети твоих детей наслаждаются бесплатно дарованной силой.

Однако два года назад клан Саинкаеу напал на нас и уничтожил Ари Чалиту, не пожелав дожидаться, пока у них под боком вырастет клан-соперник. Убить амарда человеку очень трудно, но возможно, а Саинкаеу и сами-то огромные, да ещё привели с собой несколько дружественных кланов и подкупили богов. Во всяком случае, по-другому никто из нас не смог объяснить, чем богам не угодила наша амардавика. Она никому ничего плохого не делала! Мы её и видели-то, может, пару раз в год! Мы даже о самом нападении узнали, когда было уже поздно.

В ту ночь, когда махарьяты и небесные посланники напали на амардавику, над скалами расцветали одна за другой ветвистые молнии, а гром разрывался будто прямо у меня в

голове и прибивал меня к земле раскатами, разящими прямо в грудь. Поднялся ледяной ветер и унёс дом клана целиком в небеса. Там, в доме, ещё оставались двое младших братьев. Я никогда не забуду, как они выбежали на крыльцо вслед за всеми и обнаружили, что крыльцо вместе с домом уже летит прочь, чтобы где-то там за рекой рухнуть с огромной высоты и раскатиться на доски. Отец тогда истратил всю махару, чтобы взлететь и подхватить мальчишек, и едва успел, прежде чем в дом ударила молния.

Когда мы наконец собрали чудом уцелевшую семью в одной из пещер и побежали на пик смотреть, что произошло, там уже никого не было. От пристанища амардавики остались почерневшие камни, а от неё самой – несколько капель светящейся крови на земле. Только на следующий день от жителей деревень у подножия горы мы узнали, что накануне мимо проходили махарьяты из нескольких кланов под знамёнами Саинкаеу. Наш клан занимал только маленький участок склона, а они поднялись по другой стороне горы и потому не задели наших охранных контуров. Нам же не приходило в голову, что надо охранять амардавику! Кто мог покуситься на неё и зачем?! Но в результате Саинкаеу, скорее всего, даже не узнали, что у Ари Амардавики Чалиты уже был свой клан махарьят.

Два года мы честно пытались сводить концы с концами. Саинкаеу нам не по зубам – это огромный клан, возникший столетия назад и прочно укрепившийся среди крупнейших

кланов. Отец пытался искать справедливости у соседей, но кроме сожалений ничего не получил. Связей с крупными кланами у нас не было, а мелкие не пошли бы ради нас против Саинкаеу. Это всё равно, что жителям двух деревень идти штурмом на укреплённый город. Да и что толку? Амардавику уже не вернёшь.

Меж тем махара, растворённая в воздухе и почве Жёлтой горы, начала иссякать. И это означало только одно: чтобы мы могли и дальше защищать округу от демонов, нам, как и всем кланам, у которых нет своего амарда, приходилось собирать махару с людей.

Махара – она же жизненная сила. Можно, конечно, собирать со всех понемножку, но от человека очень мало можно взять, чтобы не нанести ему вреда. Особенно если он сам не махарьят и не умеет ни правильно отдавать, ни восстанавливаться. Таким количеством много не назащищаешь. Если же взять от человека больше, он, скорее всего, останется калеккой на всю жизнь, и его семье придётся за ним ухаживать, а им и без того все рты бы прокормить. Поэтому обычно махарьяты собирают добровольцев отдать сразу всю свою махару. Эти люди умирают, но их хоронят с почестями, чествуют как героев и вспоминают дважды в год на праздниках высокой воды и урожая. Более того, такие добровольные жертвы не умирают насовсем – пусть их жизненная сила истрачена, но дух свободен, и эти духи отлетают на небеса, чтобы там помогать небесным богам вершить судьбы. Тем, кому в этой

жизни не выпало ни крохи власти, шанс стать чиновником Небесной Канцелярии кажется соблазнительным.

Я сама не могу твёрдо сказать, верю я в это или нет. Но я верю в то, что если махару брать неоткуда, то жертв будет намного больше. Всего два-три человека в год, если они хорошо наделены от природы, дадут столько махары, что можно будет весь этот год защищать город и восемь крупных деревень вокруг. В противном же случае демоны возьмут за год несколько десятков человек. Поэтому, когда мы лишились амардавики, канан города у подножия Жёлтой горы встретил нас уже с тремя добровольцами.

Отец – глава нашего клана – пытался оттянуть неизбежное. Мы изобретали новые охранные контуры, раздавали жителям окраин амулеты и пытались выставить круглосуточную охрану сразу везде. Вот тут и пригодился кочевой опыт дедов – им-то дармовой махары почти никогда не доставалось: что наберёшь из воздуха и земли, то и твоё, и работать приходилось почти на холостом ходу. Мы научились тратить в десятки раз меньше и вместо того, чтобы вваливать махару вёдрами, решать большую часть задач хитростью, изобретательностью и уговорами. Но как ни крутись, без махары не выкрутишься. И наш клан понял это далеко не первым, ибо если люди нарушают вселенский закон, порождая демонов, то и платить они должны своими жизнями. Пока мы весь первый год занимались всей этой чушью, погибло уж точно больше трёх человек, и никто из них не добровольно.

В конце концов отец сдался и согласился на жертвоприношения. Жители всё понимали, и даже не потребовалось тянуть жребий: за годы нашей работы под покровительством амардавики накопились люди, готовые расстаться с жизнью ради лучшей доли для других и комфортного посмертия для себя. Однако отец настоял, чтобы клан тоже отдавал своего человека. Пусть не каждый год – клан в два десятка махарьят просто вымрет. Но раз в десять лет железно. Потому что мы должны помнить, какой ценой добыта махара, которой мы пользуемся, и не тратить её попусту. У махары должно быть знакомое лицо, говорил он. И вот мы уже тянули жребий.

Мне кажется, отец хотел вытянуть его сам. Он винил себя в том, что не мог защитить всех бесплатно, и в том, что не уберёт амардавику. Никто из нас даже не думал, что амардавику надо беречь – она ведь намного могущественнее людей! Но он не мог просто оставить эту мысль, я видела это по сумрачному, как грозовое небо, цвету узоров на его коже. Однако жребий вытянула я.

И всё вроде по задумке, вот только я – самая сильная махарьятта в клане. Конечно, это значит, что из меня выйдет много махары, но моя сила измеряется не только её количеством, а ещё и тем, что я умею с ней делать. А я очень хорошо умею охотиться. Я умею подкрадываться так, что ни один демон меня не заметит, и бить внезапно и сильно, так, что он не увернётся. Умею устраивать ловушки и создавать новые

амулеты. Умею отличить опасного демона от безвредного и договориться с тем, кого не хочу убивать. Конечно, ни один из этих навыков не уникален – всё это учения моего клана. Но я освоила их лучше всех. И вот это в случае моей смерти пропадёт навсегда.

Поначалу все кинулись убеждать отца, что меня надо исключить из жеребьёвки. Но жребий – это ведь не просто случайность. Бросающий жребий взывает к воле мира. Вселенский закон диктовал, что жертвой должна быть я. Вселенский закон, а не игральные кости. И если пойти против него, это породит только больше бед, и не только для нашего клана, но для всего мира, ибо брешь в мировом порядке даже в одном месте расплзается по всей его ткани, как гнилая нить ослабляет плетение.

Поэтому я предложила свой план. Я пожертвую собой. Но не сразу, а сначала явлюсь в клан Саинкаеу и уничтожу там всё, до чего смогу дотянуться. Тут и моя сила, и способности – всё пойдёт на пользу, и пусть я никогда раньше ничего подобного не совершала, вселенский порядок на моей стороне. Я обязана отомстить за свою амардавику и за тех людей, которым теперь придётся умереть ради махары, что станет основой безопасности всех людей в округе. В согласии с мировым законом я последую своему жребию, а пронизывающий всё сущее закон не позволит моей руке дрогнуть. Моя жизнь – лишь нить, коей вышит узор на ткани моего клана, и если ради целостности всего наряда нить следует оборвать,

я принимаю такую судьбу с гордостью.

Я снова прокрутила в голове эту мысль, стараясь с ней свыкнуться достаточно, чтобы она перестала меня удручать, но в конце концов отогнала неприятные раздумья и обратилась к насущному. Следовало запомнить уровень и тон махары горной ба, чтобы не спутать её ни с какой другой тварью, а после двинуться в путь к моему пугающему предназначению.

Тропа шла по самому гребню длинного хребта, довольно условно поделённого на горы названиями вроде Первая Зелёная, Вторая Жаркая, Третья Опасная и Четвёртая Усталая. Впрочем, жители Ча́ата – города, в который я направлялась, – наверняка нумеровали горы в обратном порядке.

Вид с них открывался исключительно живописный. Короткая травка на вершинах при взгляде издали будто окутывала их пушистым ковром с узором из розовых и золотых пятен – там, где в траве попадались куртины цветов. Солнце, медленно вылезавшее из-за холмистого горизонта, окрашивало одну за другой грани склонов, вытаскивая их из ночной мглы. Здесь, наверху, стояла тишина. Редкие крики птиц или обезьян относил прочь лёгкий ветерок. Поистине, это место напоминало сады хозяев неба, которых, впрочем, никто из живущих не видал.

Горная ба следовала уговору. Вечером хозяйюшка появилась рядом со мной и указала дерево на склоне, подходящее, чтобы устроиться спать в его ветвях. Мне было не привыкать

плести себе гамак из веток. Ночлег на дереве – самый безопасный из тех, что можно себе позволить во время охоты, а я побывала на бесчисленных охотах. Первая ночь прошла спокойно, никто к моему дереву не приближался, я бы почувствовала даже сквозь сон, хотя и, скорее всего, слишком поздно. Но под присмотром ба я могла себе позволить расслабиться.

На вторую ночь к моему дереву пришёл тигр. Кажется, он был не очень голоден: поточил когти о ствол так, что тонкие веточки затряслись, потом зевнул и завалился на спину. Горная ба проявилась на соседней от меня ветке и закричала, как ночная птица. В темноте она светилась голубоватым светом, почти как я сама, когда плела заклинания, только всей поверхностью тела, а не одними узорами, как я. Похоже, тигр оторвал её от прихорашивания: в когтистой лапе она держала коробочку румян, которые на её коже выглядели сиреневыми. Тигр встрепенулся, завертел ушами.

– Эй, полосатый! – прикрикнула на него ба. – Иди к другому дереву, здесь ночует мой гость!

Тигр порассматривал нас с ней, обиженно рыкнул и ушёл прочь. Я еле слышно выдохнула, боясь расстроить хозяйшку своим недоверием. Я не первый раз договаривалась с ба – не с этой лично, но наверняка с другими из её семьи. Они никогда не подводили, и у меня не было повода для сомнений. Но когда с тобой приходит поиграть тигр, трудно оставаться совершенно хладнокровной. Я успела подумать, что,

когда вернусь, надо будет рассказать отцу, что эта ба так же надёжна, как и её соклановцы, но меня тут же окатило, как ледяной водой, осознанием: я не вернусь. И ничего уже отцу не расскажу.

Третья ночь миновала без происшествий. Прохладная махара ба окутывала меня во сне, как мягкий полог, навевая приятные сны. Мы с хозяйшкой договаривались только о защите, но она, похоже, отнеслась ко мне со всей душой, и за всё время ни разу не потревожила расспросами. Я даже пожалела, что она так чутко блюдёт мой покой – поболтать было бы приятно. Надеюсь, ей выпадет удача в ближайшие дни повстречать на своих горах разговорчивого путника.

Проснувшись с рассветом, я разглядела со своего насеста городские крыши Чаата, а за ними и Оплетённую гору, вершина которой терялась в тумане. Осталось миновать всего один пик, и первый этап пути будет пройден.

– Я не пойду с тобой дальше, – сказала ба, снова явившись во всём своём лазурном и рогатом великолепии. – Но вокруг города не живут тигры. Благодарствуй за подарки.

Она поклонилась, и я пригнула голову в ответ, но даже не успела ничего сказать, когда почувствовала, что махара ба удаляется. Я немного расстроилась – за эти ночи я привыкла к её присутствию, с ней мне было спокойно. Нехорошо расставаться с добрыми соседями вот так, не попрощавшись.

Внезапно раздался какой-то звук, которому не место в горах – металл, трущийся о металл. Я постояла на месте, огля-

дываясь, но ничьей больше махары не почуяла. Зато краем глаза заметила яркое пятно и, обернувшись, увидела ба, уже стоящую на вчерашнем пике и машущую мне когтистой лапой. Я помахала в ответ и собиралась крикнуть своё прощание, когда со склона рядом с ба кто-то взлетел.

Белые волосы развевались по ветру, а чёрные доспехи сверкали полированными чешуями. Над головой занесён длинный тонкий меч. Махарят. И нацелился на ба.

– Стойте! – что есть мочи закричала я. – Не надо! Не трогайте её!!!

Но было поздно. Тонкий меч свистнул, и ба развеялась голубоватым облачком. В рассветных лучах блеснули, падая на землю, две коробочки.

– Ну зачем?! – Я не могла замолчать. – Она же вам ничего не сделала! Она вообще безобидная!

Однако махарят словно не слышал. Оглядел место расправы, потом свой меч. Убрал его и снова оттолкнулся от земли, чтобы гигантским прыжком перелететь через половину склона и скрыться среди деревьев. Только когда он повернулся спиной к солнцу, на доспехах сверкнул герб клана – Саинкаеу.

Я стиснула зубы. Вот тварь привилегированная! Конечно, этому клану не привыкать убивать хозяев гор и творить беспричинное зло, распространяя гниль по всей ткани мирового порядка. Убили же они нашу амардавику и не поморщились. Кому как не мне, чей дом они разорили своими руками,

знать об этом. Для того я и иду на Оплетённую гору, чтобы сотворить с кланом Саинкаеу то, что они сделали с хозяйкой моей горы.

– Я отомщу и за тебя, – пообещала я горной ба от всего сердца.

Глава 2 Город

В городе я оказалась под конец четвёртого дня, как раз в то время, когда жители больше не могут сидеть по домам и мастерским и высыпают на улицу, чтобы размяться и подставить лицо косым, рыжеватым солнечным лучам. Ну и прикупить чего-нибудь на ужин.

В толкучке узоры на лицах и руках раздражённых людей посвечивали красным и оранжевым, а у некоторых горели так, что свет пробивался сквозь одежду. Я запрыгнула на крышу одного из домов в торговом квартале, чтобы выбрать путь посвободнее, и при взгляде сверху реки людей пылали, как праздничные гирлянды. В конце концов я высмотрела проулок, где горело не так ядрёно, и нехотя слезла в толпу. Даже здесь, чтобы протиснуться хоть к одному лотку, мне пришлось отцепить меч от пояса и выставить его вперёд, поскольку по моему костюму никто не признавал во мне махарьятту.

Не то чтобы у махарьятов вроде меня была какая-то особая форма одежды – конечно, на охоту в струящемся плаще и длинных юбках не пойдёшь, но в остальном мы одевались кто во что горазд: какие-нибудь шаровары поудобнее, чтобы не сковывали движений, какая-нибудь рубаша да плотный безрукавный нэр подлиннее – для условного приличия и чтобы сидеть не прямо на земле. Ну и пояс – настолько

яркий, насколько денег хватило. Я вот накопила на красный, чтобы на его фоне меч лучше выделялся.

Однако в городе у подножия клановой горы привыкли видеть несколько иных махарьятов – наподобие того, который убил мою ба. Запакованные в кожу и металл с клановым гербом везде, где только можно, и с пламенеющим мечом за спиной, такие красавцы сразу выделялись из толпы. Да и самомнение у них было под стать – не приведи амардавика встать на пути у такого! Взглядом сметёт! Другое дело я – среднегородская оборванка с какой-то тусклой тыкалкой. Придётся поднапрячься, чтобы купить себе на обед что-то повкуснее.

Деньги у меня были, хоть и не очень много. Зачем давать смертнику много денег? Мне лишь бы перебиться в городе денёк-другой, пока представится возможность пробраться на гору. Я зажмурилась, усилием воли отгоняя горькие мысли, и тут же оказалась оттиснута от лотка более сосредоточенными покупателями.

Конечно, как махарьятте мне ничего не стоило их растолкать, а то и раскидать. Но... Во-первых, не следовало привлекать к себе внимание, а во-вторых, меньше надо отвлекаться на всякие глупости, сама виновата. Эти люди наверняка спешили сжевать что-нибудь побыстрее, чтобы потом успеть ещё до ночи переделать личные дела, которыми они не могли заниматься в течение дня, а я собиралась остаток вечера бесцельно мерить шагами город в поисках подходя-

щей возможности. Я могла и потерпеть.

В результате я решила зайти в чайный дом. Там, конечно, было дороже, но за мои траты я держала ответ только перед собой же, а вот послушать сплетни или найти торговцев, которые снабжают клан Саинкаеу провизией, там было более вероятно.

Внутри вечерняя духота не проникала. Я высмотрела компанию купцов средней руки, игравших в птичьи фишки, и облегчённо приземлилась за столик в тёмном углу спиной к ним – авось услышу что-нибудь интересное. Деревянные брусочки шуршали и стукались друг о друга, напоминая чириканье. Я заказала чего попроще, но побольше, и прислушалась.

–...А я ему говорю, что-то ты недостаточно чёрный для махарьята! – рассказывал один купец, судя по говору, с побережья. – Точно, говорю, сдюжишь?

– А при чём тут, чёрный он или какой? – удивился другой, местный.

– Ну как же, – ответил ему первый, – ведь чем больше в махарьяте махары, тем у него кожа темнее!

– Это кто сказал? – фыркнул ещё один местный. – У нас вон великий клан на горе сидит, и они там все разноцветные. Что ж, думаешь, они неумехи какие-то?

– Вот именно, – поддержал его товарищ. – И потом, махарьят же не только количеством силы ценен, а ещё тем, что умеет с ней делать. Как по мне, самые чернушие вообще не

в себе, им сила ум застит.

Я нахмурилась. Саинкаеу не темнокожие? Это было странно. Я видала махарьяттов из разных кланов, в том числе довольно больших, и обычно они потемнее среднего. Я сама насыщенного оттенка, как красная глина с землёй, однако, как и сказал местный, важно не сколько в тебе махары, а как ты умеешь её применять. Возможно, в таком большом клане, как Саинкаеу, личный уровень отдельных адептов не так важен.

Но вот насчёт того, что темнокожие не в себе – это торговец хватил лишнего. Не в себе тот, кто не обучен своей силой управлять, а таких в серьёзном клане быть не может.

– Так-то и обычные люди тёмненькие бывают, – продолжал первый местный. – У нас в городе таких полно, однако одного этого недостаточно, чтобы махарьяттом стать, иначе их бы всех в клан приглашали.

Тут я снова согласилась. Каждый человек рождается с каким-то количеством махары – у кого побольше, у кого поменьше, и вовсе не обязательно щедро одарённый станет махарьяттом. Правда, в махарьятты обычно идут именно те, на чью долю силы выпало побольше, оттого мы обычно потемнее среднего. Конечно, если махару исчерпать, можно на время посветлеть на несколько тонов, например, если сильно потратился в битве с демонами. Но каждый махарьят должен уметь её восстанавливать и понемногу увеличивать свой резерв.

Проблема в том, что махара не берётся из воздуха, а человеческое тело производит её мало и неохотно, даже самое тренированное. Ты можешь увеличить свой резерв махары в два, ну в три раза от того, чем наградила природа, но не в десять. Поэтому и требуется внешний источник махары, чтобы справляться с особо сильными или многочисленными демонами.

– Ну, может, у вас тут так, а у нас на побережье по-другому, – уступил помор, не желая ни менять своё мнение, ни ссориться. – Но я это к чему начал рассказывать: слышал я, ваш махарьятский клан много скупает фиалов стеклянных, а у нас в приморье научились морской песок очищать для стеклодувен. Я думал, может, сюда попродавать выйдет. Как бы с главой клана переговорить, может, знаете?

– До главы ты вряд ли доберёшься, – пробасил местный купец. – Такие вещи с кананом надо обсуждать, у нас вся торговля с кланом через него. Он главу давно обхаживал да охмурял, а недавно сговорил за его брата свою дочь. Теперь уж точно мимо него не поторгуешь.

– А глава-то о чём думает? – удивился помор. – Разве хочется ему канану отстёгивать с любой покупки?

– Да он молодой, – вздохнул второй местный. – Старый-то глава противился, канана ни в медяк не ставил, а этот поддался. Уж не знаю, что тот ему обещал, но поверил, видать, по неопытности.

Неопытный молодой глава? Это мне на руку. А вот то, что

вся торговля с горой шла через канана, могло стать затруднением. Значит, просто так не заявишься, придётся дожидаться обоза и, может, среди ящиков в телеге прятаться или ещё как... Ладно, это мы разнюхаем.

Тут мне принесли заказ – большую миску супа с лапшой, – и слушать купцов не стало никакой возможности, слишком громко затрещало у меня за ушами. Краем глаза только заметила, что в чайный дом зашёл какой-то тип и прошёлся среди столиков, словно высматривая кого-то, прежде чем разносчик припёр его к стенке и заставил пойти прочь, раз ничего не заказывает.

Остаток вечера я провела не праздно: пошастала по городу и разыскала пару разговорчивых городских стражей, что после дежурства заправлялись в питейном доме. Толкнула им по дешёвке хороших амулетов и историю честолубивой девицы, которая мечтала попасть в великий клан.

– Так с улицы они тебя не возьмут, – хмыкнул один, прилаживая амулет себе на пояс. – Это надо на соревновании выступить хорошо, ну или хоть на охоте им пригодиться. Только как знать, где они охотиться будут когда...

– Дорогу-то мы тебе показать можем, – покивал второй, – да только войти на земли клана ты не сможешь, там охранный контур, не пускают никого, даже телеги с провизией сразу у ворот разгружают. Чтобы, значит, мирские наши рожи им там вдохновенного сосредоточения не испортили, – хохотнул он.

Я озадачилась. Много же врагов у Саинкаеу, что они так защищаются!

— Ну вдруг я смогу их убедить, — улыбнулась я, играя деревенскую дурочку.

— Вряд ли, — покачал головой страж, — ну да дело твоё. Пойдёшь по центральной улице до самого края города, увидишь, там будет длинный такой красный забор, за ним как раз грузят обозы, что направляются на гору. Оттуда две дороги будут, одна в гору сразу, но эта только до родника, а другая в обход, вот тебе вторая нужна. Воды только запаси, подъём долгий, а там тебе ничего не обломится.

Я поблагодарила и пошла по указаниям стражника. Защитный контур ломать громко и хлопотно, а вот обозы — это как раз то, что нужно!

Центральная улица привела меня к большому двору, огороженному высокой каменной стеной, за которой и ждали отправки телеги. Однако проникнуть внутрь оказалось не так просто: по стене толпами бродили охранники из кананской дружины, и прошмыгнуть мимо них незаметно было так же невозможно, как и снять одного-двух, не привлекая внимания остальных. Я обошла весь двор снаружи вдоль стены, но ворота тут были только одни, и на них тоже стояла толпа стражей. Вот же как канан радеет за молодого главу! Хотя если уж дочь за его брата сговорил, то тут и личный интерес...

Пришлось спрятаться в куртине деревьев поодаль с видом

на ворота и подремать до утра, когда телеги должны были выезжать на гору. Уж там-то я справлюсь незаметно на борт влезть!

Куртина, конечно, росла не так уж близко к тому двору. Вблизи там все заросли вырубил и выстригли, чтобы никто незамеченным к стене не подкрался, и даже мне с моими умениями это стоило серьёзного труда. Однако у хорошо подготовленного махарьята на такой случай есть третий глаз – он и в темноте видит, и на приличном расстоянии, а потому наблюдать за воротами даже издали мне было несложно.

Едва рассвело, стражники ожили, отмерли из своих застывших поз и распахнули тяжёлые воротины из такого напитанного махарой дерева, что оно и в воде бы потонуло. Что бы там ни говорили купцы, а Саинкаеу недостатка в махаре не испытывают. Не на стороне же канан заказывал такие укрепления!

Я шмыгнула к краю дороги и приготовилась незаметно проскользнуть в телегу, но – каждую окружали восемь стражников. Восемь! И если бы дело было только в этом! Стражников в крайнем случае можно отвлечь, гаура заставить споткнуться, а то и заупрячиться, вот они и займутся им, отвернувшись от телеги. Но и сами телеги укрывали тканые покровы, которые помимо масла были пропитаны махарой, так что прикоснись я к ним – и все стражи тут же бы узнали, что рядом лазутчик. Это ещё хорошо, что я с ночи третий глаз не закрыла, а то попала бы сейчас...

Я уныло проводила взглядом из придорожной канавы обоз, направившийся по горной дороге. Обогнать я его могла бы, да только что дальше? Чтобы и стражников отвлечь, и покровы развеять, следовало ставить ловушку, а на её создание уйдёт дня два, не меньше, у меня же и махары в свободном доступе нет, а в теле она вырабатывается по чуть-чуть.

Когда обоз скрылся за перегибом склона, я припрятала меч и мешок, скинула нэр, замотала косу пучком и в таком виде подбежала к стражнику у ворот, делая вид, что запыхалась.

– Господин, господин! Обоз на гору ещё не ушёл? – взмолилась я, заламывая руки. Может, переиграла, конечно, но для моей задачи сойдёт.

– Ушёл, – сплюнул через губу высоченный детина в красной форме с золотисто-жёлтой сатикой, повязанной по диагонали через плечо. – Опять забыли что-то положить?

– Ах, глупая моя голова! – взвыла я. – Хозяин теперь её наверняка открутит! Может, я ещё успею как-нибудь подсунуть, там корзинка небольшая? Если побегу быстро...

– Ещё чего! – прервал меня стражник. – Без контроля и досмотра управляющего ничего ты никуда не подсунешь. Подождёт твоя корзинка десять дней до следующего обоза, а что хозяин тебе всыплет, так поделом! Давай, пошла, растяпа!

Десяток дней?! Это обоз на гору так редко ходит?! За десять дней у меня дома уж решат, что я не справилась, и пу-

стоят в расход другого человека! Ну нет, мне надо изыскать способ проникнуть на гору гораздо быстрее!

Я понуро побрела прочь туда, где оставила вещи, а после юркнула в переулочек, который вскоре вывел меня на одну из главных улиц, где было легко слиться с толпой. И всё же стоило мне вышагнуть из полутени на залитую солнцем мостовую, как я поймала на себе пристальный взгляд какого-то мужчины в одежде, подобающей воину, только без гербов и тому подобных знаков. Канан, что ли, кроме своей дружины наёмников подрядил махарьятскую провизию стеречь? Чушь! Но я на всякий случай скользнула за спинами нескольких торговцев, поднырнула под руку какому-то работяге, шедшему вплотную рядом с другими такими же, и вскоре меня и след простыл.

Однако найти другой путь на гору оказалось не так просто. Два дня я мыкалась по всему городу, то и дело ловя на себе заинтересованные взгляды наёмников, но узнать смогла только, что резиденция клана окружена непреодолимой стеной, сплетённой из заклинаний, и сквозь неё не прорвался бы даже сам глава Саинкаеу, не говоря уж о махарьятте из дремучего маленького клана.

Соберись, Ицара, говорила я себе. Не бывает идеальной защиты. Всегда есть лазейка. Но как я ни старалась, найти её не могла.

Оставалось только ждать следующего обоза, но не просто так, а подготовив на дороге ловушку. Весточку бы домой от-

правильно о том, что моя миссия задерживается, но опасно доверять такое абы кому. После того, как я разнесу Оплетённую гору в дым, кто-нибудь обязательно вычислит, откуда явилась беда. Я поёжилась и прогнала прочь мысли о том что будет, когда я попаду за ту заговорённую стену. Как-то ещё надо будет там всё порушить... И людей поубивать. Нет, не хочу об этом думать сейчас. Вот пролезу внутрь, там на месте сориентируюсь! Вселенский порядок привёл меня сюда, значит, и там руку направит.

Поскольку ничего другого мне не оставалось, я собралась всё-таки идти и ставить ловушку, но перед тем решила как следует перекусить. Ловушка – дело долгое и после установки требует присмотра, чтобы лишний кто не попал и не обнаружил её раньше времени, так что в город я уже не собиралась возвращаться. Это была моя последняя возможность съесть что-то действительно вкусное.

Выходить из города следовало под покровом ночи, чтобы моя одинокая фигура на дороге, ведущей к Оплетённой горе, не привлекла ненужного внимания, а потому последнее в жизни вкусное блюдо выпадало на ужин. Я подошла к выбору со всем тщанием, чтобы после не обидно было. Глупо же стать мстительным духом только потому, что не угадала с предсмертной трапезой, правда?

Однако вечером рынок снова бурлил густой толпой, и протолкаться к прилавку, чтобы изучить предложение, было не так-то просто. Наконец мне удалось урвать жареного ло-

патоголового краба. Его круглый панцирь работал сам себе сковородой и миской, а мясо внутри было нарублено и смешано с крылатыми бобами и сладкими кореньями. Длинный и плоский хвост краба отлично заменял ложку. Со всем этим природным удобством была только одна проблема: как его есть на ходу посреди толпы? Пришлось пробиться в какой-то переулок и отойти подальше от торговых рядов. Ну-ка, вон там улочка совсем безлюдная вроде, да и заборы такие хорошие, практически крепостные стены, удобно будет спиной прислониться...

Я с комфортом устроилась у нагретой солнцем стены и принялась жевать краба, наслаждаясь каждым кусочком. Кормили в Чаате отменно, особенно по сравнению с тем, что я могла себе позволить по пути, где я опасалась разводить огонь, чтобы не привлечь кого-нибудь менее сговорчивого, чем ба. Глупо было бы погибнуть на полпути – ни нашим, ни вашим. Всё же моя главная задача – отомстить, а потом уже отдать свою махару.

Заклинание жертвоприношения я выучила назубок, так что мою махару получит только мой клан. Главное – побольше всего поджечь и разрушить, а потом в суматохе проникнуть в храм и совершить обряд. Можно и без храма, конечно, но тогда нужно время... В общем, ориентируюсь по ситуации. Хорошо, если успею убить главу. И того, в чёрном, который зарубил мою ба. Вот и вся идея.

Вообще я никогда в жизни не убивала людей. Махарья-

ты обычно народ мирный, а если кто из обывателей попался на пособничестве демонам, их судьбу решают обывательские власти, а не мы. Но, во-первых, мне легко было думать о Саинкаеу как о нелюдях. Какие люди бы поступили так, как они? Отец называл их не иначе как чёрной чумой. А во-вторых, почему-то же выпал мне жребий первой жертвы, и моя гордость не позволяла мне думать, что только ради моей махары. Если же месть и правда была моей судьбой, кто я такая, чтобы спорить с мировым порядком вещей?

Помотав головой, я отогнала суетные размышления. Я уже всё решила. Точнее, я покорила вселенскому закону, ибо только так и можно латать прорехи в ткани мира и избавлять всех людей от страданий.

Чтобы отвлечься, я оглядела улицу повнимательнее и заметила метнувшуюся за угол тень. Что тут, полный город соглядатаев? Ладно, я уже устала от них бегать. Пускай подходят, потолкуем по-воински, мне терять нечего.

Однако пока что по мою душу никто не являлся, и я могла спокойно жевать и рассматривать улицу. Похоже, я забрела в богатый квартал. Такие стены вокруг обычных домов не строят! Если кто-то выйдет сейчас из ворот или вернётся с прогулки, меня, скорее всего, погонят: кому понравится, что у него под забором сидит какая-то девица и уминает пахучий рыночный обед? Но ничего серьёзного мне не грозит. Пересяду под другую стену, и всё. Даже в Чаате никто не натравит собак или охрану на странствующую махарьятту.

И, конечно, стоило мне пригреться и расслабиться, как кого-то принесли горные духи. Да не абы кого, а не меньше, чем сына городского канана, судя по изукрашенной повозке и запряжённым в неё лоснящимся гаурам с увитыми лентой рогами. Огромные звери остановились прямо передо мной, и кучер в зелёной форме соскочил с козел, чтобы подставить лесенку для пассажира. Ближайший бык потянулся ко мне, почуяв ароматное блюдо, и фыркнул, сдув с обочины мелкую птицу. Я кинула ему кусок сладкого корня, и он поймал его на лету. Да-а, зверей-то, похоже, махарой подкармливали. Мне даже любопытно стало, что за высокопоставленная особа выйдет из повозки.

Это оказался молодой человек, одетый так, словно из всех сил сдерживался, чтобы не выглядеть слишком богатым, но подобрал наряд из того, что нашлось по сундукам – вышитый зелёным по зелёному шёлк, длинный кожаный нэр с тиснением и серебряными нашивками на груди, сандалии на полированных металлических каблуках. Из повозки он не вышел. Только распахнул занавеску так, что его стало видно целиком, и уставился на меня восхищённым взглядом.

– Идеально! – наконец выдохнул он. – Просто невероятно! Прании, вы идеальны!

Он даже рассмеялся от восторга. Я, честно говоря, надеялась, что он говорил не обо мне, а о чём-то вокруг, но прани – это обращение к махарьятте. Я шумно допила подливку из панциря и вытерла рот рукавом. Молодой кананич всё ещё

смотрел на меня, как заколдованный.

– Прани, – снова сказал он. – Сколько вы хотите за то, чтобы выйти замуж в клан Саинкаеу?

Глава 3 Торг

Если бы я не успела проглотить подливку, я бы подавилась ею. Но я успела, и потому подавилась воздухом. И это было очень кстати, потому что пока я кашляла, первый порыв заорать что-нибудь вроде «да будь прокляты эти Саинкаеу» или «убирайся откуда пришёл, прихвостень сволочей» – прошёл, и я успела сообразить, что мне открылась отличная возможность не просто попасть на Оплетённую гору, но даже успеть осмотреться и спланировать диверсию так, чтобы нанести наибольший ущерб.

– К-как? – выдавила я, едва отдышавшись и подавив вспыхнувшие узоры.

– Прани, – молодой богач продолжал смотреть на меня так, будто не видал в жизни ничего прекраснее, даже пока я перхала и отплёвывалась, – умоляю, прокатитесь со мной до моего дома, я всё объясню! Это не такие вещи, которые стоит обсуждать посреди улицы.

Я вынуждена была согласиться – разговоры о браке в моём представлении вообще были делом исключительно формальным и ритуальным, да и потенциальная невеста на них обычно не присутствовала. Уж точно не без посредника в виде отца или брата. Однако у меня при себе не было никакого родича, который мог бы представлять мои интересы, да и вопросы приданого, выкупа и щедрости свадебного пира

волновали меня мало. Хотя, наверное, не стоило соглашаться вообще на что угодно, так и заподозрить могут.

Я встала с земли, наскоро отряхнулась и молча залезла в повозку. Там было не то чтобы много места: два диванчика шириной в толстого человека напротив друг друга. Толстого, но коротконогого. Хозяин повозки сложения был обычного, а роста нормального для человека, который в детстве сытно и разнообразно ел, я же выросла дылдой безо всяких разумных причин. Поэтому, чтобы нам как-то уместить ноги между диванчиками, мне пришлось втиснуть одно колено между его, а ему – между моих. Я-то выросла в семье с пятью братьями и тремя сёстрами и ещё кучей двоюродных, и все мы жили друг у друга на голове, так что меня ничего не смущало. А вот кананич, похоже, не привык общаться с барышнями настолько близко. Узоры на его светлой коже вспыхнули тёплым розовым, да так, что даже сквозь одежду просвечивали. Если он склонен к таким ярким эмоциям, неудивительно, что он носит кожаный нэр, прикрывающий тело от плеч до колен. Если бы не он, я бы сейчас получила полное представление о форме и размерах всего, что под ним.

– Вы, может, прикрутите фонарик? – заметила я. – Дело к вечеру, мошкара налетит.

Молодой человек вспыхнул ещё ярче, но всё же совладал с собой и поумерил свечение до едва заметного. Несмотря на очевидно аристократическое происхождение, узорчики на нём были самые простецкие – спиральки на щеках,

треугольнички под глазами. Такие отдельные, не связанные друг с другом узоры выдавали человека, ни дня не тренировавшего свою махару. Ну что ж, ему, наверное, и незачем, хотя многие обыватели, особенно из семей побогаче, занимались хоть какими-то духовными практиками. Не для того, чтобы с демонами сражаться, конечно, а просто чтобы гармонизировать свой внешний и внутренний мир, но это требовало определённой дисциплины.

– Простите, прани...? – произнёс он и замолчал, сообразив, что не знает моего имени.

– Вы и сами не представились, – напомнила я.

– Ах, простите ради всего святого! Я Джароэнчай Ниран, сын канана Саваата.

Саваата. Не Чаата. Как интересно. То-то и форма у его людей зелёная, а не красная, как у стражей обоза. Мне сразу же захотелось спросить, что он делает в чужом городе, но я подумала, что, наверное, кананы вели какие-то дела друг с другом, а взрослый сын должен неплохо справляться с ролью посла. Но какое он тогда имеет отношение к Саинкаеу?..

– А вы?.. – снова попытался он. Но я притормозила естественный порыв представиться. Насколько я понимала, сейчас о нашем клане на Оплетённой горе не знал никто. И пока я не реализую свой план мести, пусть имя Ицары Суваннарат и дальше остаётся им неизвестно.

– А я странствующая махарьятта, – отрезала я.

Он, кажется, ждал продолжения, но быстро понял, что его

не будет, и поспешно улыбнулся, чтобы сгладить неловкость.

– Конечно, как пожелает прани. Нам совсем недалеко ехать. Вы, э-э, давно в Чаате?

Я прожгла его взглядом. Каким образом тот факт, что я отказалась называть своё имя, навёл его на мысль, что я согласна рассказывать о своих делах?

– Я вот всего пару дней в этот раз, – нервно продолжил он. – Приезжаю, знаете, по делам иногда...

Он неловко умолк, и остаток дороги мы ехали в благословенной тишине.

Дом его оказался довольно скромным по меркам городской знати, но это не вызывало вопросов, если пра́йт Ниран останавливался здесь только изредка. Тёмно-красный, на сваях над мутным лотосовым прудом в плотном окружении деревьев, он выглядел скорее как группа остроконечных сторожек, чем как дворец канана. К счастью, хозяин уразумел, что я не настроена на светскую беседу и тур по саду, и ограничился предложением чего-нибудь выпить. Напитки подали в большую прохладную гостиную – тёмное полированное дерево и болотно-зелёные мягкие диваны, до которых никогда не доставало палящее солнце. Как я ни хорохорилась, мне всё же было неловко усаживаться на бархатистую обивку теми же штанами, которыми я совсем недавно сидела на голой земле. Я твёрдо сказала себе, что обтёрла всю грязь в повозке, но всё равно чувствовала себя, как корнеплод, поданный прямо в шкуре и с землёй на одном блюде

с фигурно нарезанными фруктами.

– Прани, – с придыханием сказал праат Ниран, когда нам принесли коктейль из сока сахарного тростника с молоком в прозрачных каменных чашечках в виде ракушек. – Понимаете, дело в том, что вы как две капли воды похожи на мою возлюбленную!

Я приподняла брови в том смысле, что у праата необычный вкус, если ему нравятся махарьятты с него ростом и огромным резервом махары.

– Я имею в виду с лица, – поспешил уточнить он. – Но это самое важное, ведь пранур Вачиравит видел только портрет.

– Кто?

Лицо Джароэнчая вытянулось, как будто он не мог поверить, что кто-то может не знать этого пранура.

– Пранур Вачиравит Саинкаеу – младший брат главы клана! Он же, наверное, самый известный в мире махарьят!

Я поморгала. На мой взгляд, самый известный в мире махарьят, а вернее, махарьятта, – Лайят Панья, и жила она лет этак триста назад. Она написала великий труд об истинных формах демонов, который в моей семье считался первым из девяти основополагающих учений о теории махарьятства.

– И чем же этот пранур так отличился?

Теперь праат Ниран смотрел на меня с недоверием.

– Он – тот самый махарьят, которого похитила амардавика с Жёлтой горы, – пояснил он, как будто речь шла о событиях, произошедших на моих глазах. И в некотором смысле так

и было. Вот только наша амардавика никого не похищала. Уж не хочет ли он сказать, что Саинкаеу оправдывали свой произвол, свалив всю вину на Ари Чалиту?!

– Похитила? – прошипела я, оскалившись от возмущения.

– Ну да... – растерялся Джароэнчай. – Вы разве не слышали этой истории? Три года назад... Она держала его в своих чертогах целый год, пока клан Саинкаеу не призвал богов и людей, чтобы с ней расправиться. Как вы могли об этом не слышать?

Я пыталась хоть как-то осмыслить эту историю. О нападении Саинкаеу на Жёлтую гору я не просто слышала, я почувствовала его на своей шкуре! Но они ведь просто упреждали появление соперников! Как и любой большой и богатый клан, Саинкаеу вовсе не жаждали делиться с кем-то своими охотами. За охоты население платит деньги, и если в округе только один клан махарьятов, он может поставить любой ценник, а если под боком заведётся какая-то мелочь вроде нас, она может предложить те же услуги дешевле, и тогда Саинкаеу потеряли бы часть прибыли. Всё же ясно, как день! Откуда Ниран взял историю про похищение? Наверное, это сказочка, которую Саинкаеу рассказали своим союзникам, чтобы те им помогли! Вот ведь лживые подлецы!

– Амардам вообще свойственно иногда похищать людей, – продолжил праат Ниран, как будто решил прочитать мне лекцию об устройстве мира. – В этом нет ничего удивительного. Наоборот, потрясающе, что Саинкаеу удалось отбить

своего человека... Наверное, в этом есть и его заслуга, он ведь несравненный охотник.

— И что, позвольте узнать, она с ним год делала? — процедила я, всё ещё кипя от возмущения.

— Ну... — Джароэнчай помялся. — Никто не рассказывает подробностей. Но что-то нехорошее, это точно. После освобождения он год не мог охотиться, поправлял здоровье. И это... вы должны понимать, он невероятно могущественный махарьят! Я хочу сказать, если уж ему потребовался год, страшно представить, какие мучения он прошёл. Теперь он вернулся к охотам, но... Он всё ещё, как бы это сказать, не весь здесь, если вы понимаете, о чём я.

Я в упор не понимала, как амардавика Чалита могла кого-то похитить, а тем более замучить! Что уж говорить о душевном состоянии проклятого Саинкаеу. Но вся эта история оказалась для меня полнейшей новостью, и крыть было нечем. Кананич явно говорил искренне, он сам был совершенно убеждён, что всё было именно так, как он слышал.

— А откуда вы сами-то об этом знаете? — уточнила я на всякий случай. Как бы не пришлось в список жертв моей местности вносить и тех, кто распространяет об амардавике подобные слухи.

Он пожал плечами.

— Так все говорят! Канан Адульдэж мне в прошлом году рассказывал, я тогда приехал сюда точнёхонько после того, как Вачиравита вернули. Он говорил, глава Саинкаеу был

вне себя – и от облегчения, что брата удалось отбить, и от горя, что он в таком состоянии. Но это все знают, я, право же, удивлён, что вы не слышали. В том походе участвовало несколько кланов и даже воины канана, и уж они не молчали потом о том, что видели своими глазами. Должно быть, вы из очень дальних земель?

Я не стала никак на это отвечать, погружённая в свои мысли.

Никто из нас не поднимался на пик и не видел, как амардавика живёт и кого при себе держит. Нам в голову не приходило, что там с ней мог быть кто-то ещё! Она творила добро – для нас и для окрестных жителей, и тот год, в который этот Вачиравит якобы сидел в плену на горе, выдался для нас особо жирным на махару. Мы полагали, что амардавика как раз только что вошла в свою силу, а может, маленькие подарочки, что мы ей подносили – всякие украшения, ткани и гребешки, – в тот год её особо радовали. Но представить, что в то же самое время, как она заливала наши земли своим светом, она истязала узника?..

Амарды всегда беспечно щедры, именно это и позволяет махарьятам использовать их силу. И само по себе это ничего не говорит об их индивидуальном характере. Я действительно знала истории, когда вполне благодушно настроенные амарды похищали людей, скот и даже целые дома. Правда, в таких историях либо люди были сами виноваты – нарушали обеты или были неуважительны, – либо они от похищения

не очень-то страдали, а то и получали украденное назад в целости да с выгодой. Но все эти истории я слышала из десятых уст. Как знать, сколько там правды, а сколько вымысла? Могла ли наша амардавика и правда кого-то похитить и удерживать силой? Покалечить человеку тело и душу? Моё воображение отказывалось это рисовать, но отец научил меня судить по правде, а не по собственной симпатии.

Однако, судя по взгляду собеседника, я задумалась так глубоко, что выпала из разговора. Он уже наверняка догадается, что мне не безразлична эта история. Как бы не выдать себя ещё больше? Он явно не ждёт, что кто-то будет сочувствовать амардавике, а значит, надо привязать мои переживания к предполагаемой жертве.

– Вы сказали, он не весь здесь? – нарочито замирающим голосом произнесла я. – Этот Вачиравит?

Праат Ниран расширил глаза и немного улыбнулся, словно обрадованный моим интересом, а потом напустил на себя скорбный вид.

– Мне трудно судить, я никогда не общался с ним близко. Он и до того был... своеобразным человеком. Но теперь... Люди говорят, в его глазах тьма и тлен. Он всегда много охотился, но после того, как вышел из затвора, он практически не берёт передышек. И... чаще получает раны. Это, конечно, слухи, но, я думаю, вы понимаете, что люди имеют в виду.

Я сидела как оглушённая. Что такое амардавика могла бы сделать с человеком, чтобы он... лишился воли к жизни?

Или просто бросался на любую мишень очертя голову, не раздумывая о том, сможет ли победить? Преступно было думать так о нашей Ари Чалите! Она бы никогда! Она даже нас, детей, когда пролезали на пик подсмотреть за ней, не наказывала, самое большое – пальцем погрозит и посмеётся!

Но что-то же случилось с этим Вачиравитом. Ладно Саинкаеу могли наплести своим союзникам небеса знают что, но совсем другое – живой человек, переживший что-то ужасное и не оправившийся от этого. Не сами же они его замучили? Конечно, Ниран говорит о нём с чужих слов, так что, может, он притворяется? Или, может, его постигла кара за то, что Саинкаеу убили амардавику? Вот это более вероятно, всё же нарушение вселенского закона влечёт за собой последствия, пусть и не всегда они падают на самого нарушителя.

– Вы... так глубоко сопереживаете людям, – мягко сказал Джароэнчай.

Я встряхнулась. Ладно, вопрос о похищении оставим на потом. Я этого Вачиравита вроде как убивать собралась вместе со всем его кланом, так что мне за дело, как у него там сложилась судьба? Я отогнала противно засосавшее под ложечкой чувство, что казнить, не разобравшись, порочно. Сейчас разбираться надо с насущным.

– Я похожа на какую-то девушку, которую видел этот Вачиравит, – вспомнила я, с чего мы соскочили. – Можно ещё раз и поподробнее?

– Нет-нет, он её не видел, – улыбнулся Джароэнчай, охот-

но возвращаясь к теме. – Только портрет. Так что он не знает, какого она роста. И, конечно, Кессарин далеко не так могущественна, как вы, хотя она изрядно одарена от природы. Но, насколько я знаю, махарьяты могут скрывать часть своей силы?

Я кивнула. По цвету кожи можно судить, сколько махары в человеке – в том смысле, что если махары мало, симитировать более тёмный невозможно. Но вот если её много, то можно скрыть часть, и тогда кожа светлеет, хотя удерживать её в таком состоянии долго не очень приятно. Но мне же долго и не понадобится?

– А какое отношение прати Кессарин имеет к Саинкаеу?

Праат Ниран горестно вздохнул.

– Она сговорена замуж за Вачиравита. И свадьба послезавтра!

– Так, погодите, – я потёрла виски. – Вачиравит – это тот ущербный, которого якобы похитила амардавика, правильно? А Кессарин – ваша возлюбленная? И что же, сын канана соседнего города – недостойная конкуренция какому-то ушибленному махарьяту?

Ниран снова вздохнул, и в этом вздохе я услышала отголоски споров до хрипоты, угроз, проклятий и безнадёжного принятия. Я даже начала понимать, чем он мог запасть в душе этой Кессарин. Кананы по определению люди воинского сословия, и им обычно чужды манерность и романтичность, а потому некоторым девам нравятся именно такие, сочета-

ющие в себе власть над людьми с бессилием перед возлюбленной. Интересно, Ниран в самом деле неженка, избалованный чересчур заботливым отцом, или хорошо притворяется, зная, как это действует на женщин?

— Дело в том, что отец Кессарин — канан этого города, прат Адульядеж. И у него в жизни есть одна цель: заключить наиболее выгодный договор с Саинкаеу. Прежний глава клана игнорировал его попытки, но несколько лет назад он погиб на охоте, и Адульядеж прямо со дня похорон принялся обхаживать нового главу. Понимаете, ему настолько нужно сварить это зелье, что он бросит в котёл весь город, не только родную дочь! А глава клана... Он молод и подвержен внушению. К тому же он очень беспокоится за своего брата. Он надеется, что достойная жена, одарённая большой силой, станет для Вачиравита исцелением.

Я поджала губы. Ни для кого не секрет, что супруги, предаваясь своим супружеским радостям, обмениваются махарой и укрепляют тело и дух друг друга. Но это может работать, только если между ними есть влечение. Заставить женщину, влюблённую в другого, кому-то что-то укрепить совершенно невозможно. Да и Вачиравит, если ему правда так плохо, как рассказал мне Ниран, вряд ли готов отдаться какой-то девице и обмениваться с ней махарой на брачном ложе. Но, конечно, я могла понять молодого главу, который готов испробовать всё, чтобы помочь младшему брату. Если бы мой младший брат ходил с тленом в глазах и бросался на

демонов, забыв о предосторожности, я бы тоже хваталась за соломинки. Вот только понимать главу Саинкаеу в мои планы вовсе не входило. Сосредоточься, Ицара, это ведь враг!

Однако что же предлагает мой неожиданный знакомый, если дама его сердца так тщательно сговорена замуж за другого, а свадьба уже послезавтра?

– Вы хотите подменить невесту, – предположила я.

– Прани невероятно проницательна! – просиял праат Ниран. – Когда мои последние попытки убедить праата Адульядежа провалились, я принялся искать похожую девушку. Мои люди рыскали по всему городу и нескольким окрестным, высматривая подходящую красавицу. И о чудо! Они нашли вас! Правда, вы так хорошо прячетесь, что мне пришлось за вами побегать, пока удалось заполучить толику вашего внимания.

Он лукаво улыбнулся, а я наконец поняла, что за наёмники мелькали в городе и почему они то и дело тарасились на меня. Я независимо повела плечом.

– Какому нормальному махарьяту понравится, что его неизвестные наёмники высматривают в толпе? Но я рада хотя бы теперь узнать, что им было нужно. Однако вы правда считаете, что я смогу сойти за вашу невесту?

Улыбка Нирана стала ещё шире, и он заёрзал на своём бархатистом диване, не в силах сдержать предвкушение.

– Пранур Арунотай – это глава Саинкаеу – видел Кессарин, но мельком, он был не очень заинтересован. А Вачи-

равит видел только портрет, Кессарин наотрез отказалась с ним встречаться до свадьбы! Поэтому они даже ничего не заподозрят! Мы подменим вас прямо в день свадьбы, непосредственно перед церемонией. На вас будет покров, так что Адульядежи вас не увидят, а снимет покров только муж, когда вы уже будете на Оплетённой горе. Саинкаеу не приглашают канана на гору, так что вы больше никогда не встретитесь!

– И он не будет ожидать, что Кессарин спустится повидать семью? – нахмурилась я. Конечно, в некоторых особо религиозных семьях, тем более, в благородных сословиях, выданная замуж женщина не может просто так заявиться в отчий дом. Но есть ведь всякие праздники, ритуалы, которые это предполагают.

– Он знает, что Кессарин не хочет за Вачиравита, – помотал головой Ниран. – Она уже пообещала ему, что обидится на всю жизнь и больше не переступит порог. Праат Адульядеж... да простят меня боги, не очень заботливый отец. Кессарин, бедняжка, выросла без любви, – он снова трагически вздохнул, и я уже не сомневалась, что Кессарин потеряла голову быстрее, чем наполнилась самая маленькая чаша городских водяных часов. – Но если вас будут вынуждать встретиться с Адульядежем, вы дадите мне знать, я привезу Кессарин, и она придёт на встречу вместо вас. Понимаете, мы весьма заинтересованы в том, чтобы обман не раскрылся. Нам в Саваате вовсе не нужна война с Чаатом, не говоря

уж о Саинкаеу!

– Понятно, – вздохнула я. То есть мне надо постараться так провернуть моё дело, чтобы никто не заподозрил, что я – не Кессарин. Можно и наплевать, конечно, и это будут проблемы Нирана и его отца, но... Саинкаеу могли бы и убедиться, что сговорённая девушка готова выполнять своё предназначение. А так можно всё обставить, будто это Кессарин от горя решила разнести дом своего ненавистного мужа, а потом отдала душу Небесам. И Адульядежу урок... – Ладно, это не станет проблемой. Что будем делать с моим ростом? Адульядеж на свадьбе, наверное, заметит, что невеста высоковата. Не всё же время меня будут носить в паланкине.

– Я сейчас же пошлю сообщение Кессарин, чтобы она потребовала новые сандалии на самых высоких зубцах и поскандалила об этом как можно громче. А вам мы сделаем совсем низенькие. Свадебный наряд длинный, под ним не будет видно обуви. Несколько служанок Кессарин с нами заодно, они помогут ей улизнуть, а вам занять её место. Вам нужно будет встретиться с ней, чтобы подогнать цвет кожи...

Он продолжал рассказывать мне всю логику подмены, но я уже думала о другом. Моя семья ожидала, что со дня на день их запасы махары пополнятся. Это будет значить, что я приняла свою судьбу. Они знают, сколько времени идти досюда из дома. Допустим, у меня могли возникнуть сложности по пути или пришлось долго ждать okazji, чтобы попасть на гору. Но если я слишком затяну, они могут решить,

что я не справилась с тигром в горах или попалась клановой страже, или, что хуже всего, передумала выполнять свой долг.

Я уже проторчала тут два дня. За ещё два они, наверное, ничего такого не решат. Но это если я организую всё в тот же вечер. Ну или скорее ночью, свадьба-то дело долгое. А ночью... Это же будет брачная ночь! Какой бы ни был этот Вачиравит покалеченный, уж наверное до спальни дойдёт. И что тогда? Просто убить его?

Я закусила губу. Одно дело – поджечь резиденцию клана безымянных подлецов, которые убили мою амардавику и обрекли наш клан побираться ради махары, а жителей подопечных нам селений – жертвовать собой. Если бы не Саинкаеу, я могла бы прожить долгую жизнь, полную охот и оставить по себе наследие не хуже Лайят Паньи. Впрочем, не моё дело рассуждать о том, чего не случилось. Когда я только покидала дом, мне казалось, что я отомщу Саинкаеу с удовольствием и даже какое-то время поупиваюсь зрелищем, если за мной не будут гнаться полсотни разъярённых стражников.

Другое дело – тихо прирезать человека, за которого я обманом выйду замуж и которого и так уже жизнь покалечила. Нет, я, наверное, смогу, но это как-то... уже не звучит, как благородная месть. Особенно если он и правда каким-то образом пострадал от рук моей амардавики или даже получил по заслугам за грехи своего клана. А вызвать его на поединок не вариант: во-первых, он же будет считать меня обыва-

тельницей и не согласится, а во-вторых, если он и правда так крут, как говорит Джароэнчай, я с ним просто не справлюсь, и тогда моя смерть никак не поможет семье. И зачем только Ниран мне о нём рассказал?!

– Вас что-то смущает? – с неуверенной улыбкой спросил Джароэнчай.

Я мотнула головой, но тут же спросила:

– Нет ли у вас тут кого-то, кто мог бы побольше рассказать о том, что случилось с Вачиравитом?

Он на мгновение задумался.

– Так сразу в голову не приходит, но я уверен, что в резиденции будет кого спросить. Целители там или воины, которые его вызволяли... Да и глава клана наверняка расскажет вам всё, что угодно, если это поможет вернуть его брату присутствие духа.

Он вдруг как-то хитро улыбнулся.

– Возможно, подлог, который мы совершаем, на самом деле пойдёт прануру Вачиравиту на пользу?

Я не сразу поняла, к чему он клонит, и он продолжил:

– Уж во всяком случае с могущественной махарьяттой ему должно быть интереснее общаться, чем с мирной дочерью канана. А сам он весьма недурён собой. Как знать, может, у вас всё и сложится?

Для меня это была настолько дикая мысль, что я даже ничего сказать не смогла. Он допускал, что я – с Саинкаеу?! Да он... да как он... Не говоря уже о том, что мой долг...

В ярости я грохнула кулаком по столу так, что чашечки подлетели и расплескали напиток.

— О, прошу меня простить, прани! — ахнул Ниран, всплеснув руками. — Я вовсе не хотел вас оскорбить! И, конечно же, я не имел в виду, что вы согласитесь на эту авантюру за спасибо! Но вы всё ещё не назвали цену вашего согласия!

Я немного успокоилась. Наверное, я и правда чересчур явно заинтересовалась предложением, и Ниран уже решил, что выйти замуж за знаменитого охотника из могущественного клана — само по себе неплохая приманка. И, честно говоря, в любом другом случае так бы и было. Предложи мне кто связать запястья с молодым, привлекательным и талантливым прануром из любого другого клана, я бы не сомневалась ни мгновения. До нападения Саинкаеу на нашу гору у меня даже был список кандидатов!

Однако речь шла именно о них, и, когда я сделаю то, что собираюсь, Ниран быстро поймёт, почему я так легко согласилась. Да и проблема времени никуда не делась. К тому же как жена Вачиравита я смогу с полным основанием потребовать, чтобы мне показали в резиденции решительно всё, и спланировать свой удар намного эффективнее. Но на это нужен хотя бы ещё день. А вдруг моя семья решит, что я не справилась, и тогда им придётся пожертвовать ещё одним человеком? Я могла бы, наверное, отправить им сообщение, но с кем? Я не могу доверять Нирану, иначе после моей диверсии он будет точно знать, кто меня прислал. И то же са-

мое касается любого посыльного, которого я смогу найти в городе. Да и на дорогу им понадобится больше времени, чем мне на разведку...

– Можете ли вы расплатиться махарой? – осторожно спросила я.

Джароэнчай задрал брови. Я испугалась, что выдала своё происхождение из маленького клана без амарда, но тут же сообразила, что представилась странствующей махарьяттой. У странствующих махары в принципе может быть только что в теле помещается.

– Вы выйдете замуж в огромный клан, – заметил меж тем Ниран. – Они там махару не считают. Зачерпнёте, сколько надо.

Я помотала головой.

– Послезавтра – это слишком поздно. И я вряд ли смогу зачерпнуть что-то в день свадьбы, то есть, на самом деле, выходит не меньше трёх дней. Они... – я затормозила, пока не проговорилась про свой клан и жертвоприношения. – Человек может умереть.

Губы Джароэнчая сложились в понимающее "о". Надеюсь, такое объяснение утолит его любопытство в отношении моего лёгкого согласия хотя бы до поры до времени.

– Я посмотрю, что можно сделать прямо сегодня, – пообещал он. – Вы можете расположиться здесь, а я свяжусь с Кессарин насчёт обуви... И, мне кажется, Адульядеж хранит запас махары. Сколько вам нужно?

– Примерно сколько есть во мне, – сказала я, понятия не имея, может ли он определить на глаз. Махарьят бы смог, но...

– Я спрошу Кессарин, – пообещал он. – Она разбирается. Она у меня такая умница.

И на этой оптимистической ноте он откланялся, оставив при мне человека из своей свиты – то ли в качестве слуги, то ли присмотреть, чтобы не сбежала. Но мне незачем было сбегать. Пока что мой план претворялся в жизнь почти идеально и без моего участия. Я уверенно продвигалась в сторону Оплетённой горы и несла с собой смерть и разрушения.

Глава 4 Весёлые хлопоты

Джароэнчай вернулся в ночи – с низкими сандалиями и фиалом махары из мутного стекла. Ну и жируют же они тут в Чаате, что махару разливают в такие посредственные изделия! У нас на горе её иначе, чем в хрустале, не хранили.

Едва взяв фиал в руку, я поняла, что в нём даже больше, чем во мне.

– Часть выкупа за невесту от Саинкаеу, – прокомментировал Ниран. – Там таких ещё два ящика, Кессарин сседила по чуть-чуть из каждого, никто не заметит.

Я ничего не ответила, пытаюсь справиться с комком в горле. У Саинкаеу столько махары, что они могут отдать два ящика фиалов ценностью в мою жизнь. Никто не заметит... И это могущество они использовали, чтобы убить мою амардавику! Нет, их всё-таки ожидает самая страшная смерть, какую я смогу изобрести!

– Мне нужно уединиться, – выдавила я.

Не знаю, ответил ли Джароэнчай, но я уже поспешила прочь из гостиной, миновала комнату отдыха с выходом на террасу, потом утреннюю приёмную с дверями, вероятно, в спальню и кабинет, лихорадочно высматривая хоть какое-нибудь укромное место. Наконец я выскочила на лестницу с обратной стороны здания и по ней взбежала на второй этаж. Точнее, чердак. Треугольное пространство под ската-

ми крыши стояло пустым, даже слуги и стражники не хранили здесь свои вещи. Как нельзя лучше.

Я достала уголёк в обёртке и принялась вычерчивать на полу символы. Быстрее было бы провести обряд в храме, там круг уже готовый, только немного дополнить остаётся, чтобы махара, рассеявшаяся в мире здесь, выступила в нужном месте. Но сейчас меня время не поджигало, так что проще было начертить. Стоило замкнуть первый круг, и символы замерцали тихим голубоватым свечением, напомнившим мне о горной ба.

Словно в подтверждение отцовской теории, фиал в моей руке засиял голубоватым. Я не очень хорошо себе представляла, как махару заливают в такие вместилища. Тут Кессарин, похоже, знала больше моего. Пока была жива амардавика, у нас не было необходимости хранить махару, её можно было брать прямо из воздуха на горе, а потом отец велел её сцеживать тем из младших, кто сам ещё не ходил на охоты. Я боялась, что стоит мне открыть фиал, как махара брызнет из него, и я потеряю часть, поэтому помимо круга для отправления ритуала я выписала улавливающие чары и два барьера для верности. Но когда я наконец решилась – осторожно, прикрывая горлышко рукой, чтобы хотя бы впитать в себя всё, что брызнет, махара потекла неторопливо, как жидкий мёд или густое сладкое вино. Воздух наполнился ароматом нектара, а поверхность голубоватой жидкости заиграла перламутровыми переливами.

Я вытряхнула из фиала всё до последней капли во внутренний круг. Махара словно ждала: вязкая лужица не впитывалась в пол и не уходила по каналу, намеченному символами, пока фиал не опустел. Я проверила, просунув в горлышко мизинец: на стенках не осталось и следа. Только тогда лужица растеклась по контуру круга, наполнила символы, вспыхнула – и исчезла. Я осталась сидеть в темноте на чужом чердаке, опустошённая, как фиал. Ритуальный круг я знала назубок – мне ведь предстояло его чертить для своей жертвы, и тогда у меня вряд ли будет время на раздумья. Я знала, что он сработал, и отправленная махара выльется на гору, снова наполнив воздух силой. Просто очень странно было совершить ритуал и остаться сидеть рядом, как будто ничего ещё не кончилось.

Я глубоко вздохнула. Ничего и правда не кончилось. Надо зажечь свечу и отмыть уголь с пола, чтобы никто не вычислил, кому я переправила махару. А после этого мне предстояло подготовиться к свадьбе и выйти замуж за Вачиравита. А после... Ну что после, то после, чего сейчас душу бередить.

Слуги Нирана взялись за меня с самого утра. Оказалось, что для кананичны я слишком неухоженная.

– Но ведь свадьба только завтра! – протестовала я, когда три служанки запихнули меня в бадью с горячей мыльной водой и лепестками цветов.

– А ногти и волосы подстричь надо уже сегодня, – заявила старшая из них. Её звали Буппа, и она работала в доме

Адульядежа, но пришла привести меня в подобающий вид. – Свадьбой же дело не кончится, прани там в клане ещё жить и жить. Вот пранур Вачиравит удивится, если его жена-кананична будет ходить с обкусанными ногтями! Вы каким мылом умываетесь?

– Мылом? – нахмурилась я. – Я просто водой... Если заночевала у ручья.

Буппа схватила за голову, отчего два пучка, в которые она заплетала волосы, встопорщились, словно тигриные уши, а тонкие узоры на её светлом лице полыхнули испуганным жёлтым.

– Да вы же без понятия! Как вас отпускать к приличным людям! Нас раскроют на второй день!

Я открыла было рот заявить, что это всё не важно, потому что на второй день от клана Саинкаеу уже ничего не останется, но я же не могла им об этом сказать. Поэтому я просто надула губы и поглубже засела в воду. К приличным людям, тоже мне! Во-первых, Саинкаеу на приличных не потянут. Во-вторых, это что, дочь рода Суваннарат – не приличный человек?! Да вообще-то я как махарьятта положением повыше Кессарин буду! Она всего лишь кананична, то есть из воинского сословия. Жену из воинов махарьят себе взять может, а вот дочь-махарьятту за воина отдать – уже нет, это позор для всего клана. А такими мелочами, как полировка ногтей, занимаются низкородные, изображая из себя неприступных посланников небес. Настоящее благородство – не в

чистоте лица, а в праведном поведении согласно вселенскому закону. Но если так надо, я ведь тоже не только по лесам бегать умею. На собраниях с другими кланами у нас этикет жёсткий, не так поклонисься – кто-то и оскорбиться может, а там до вызова на поединок одно неверное слово.

Однако другие служанки тоже переполошились и принялись с утроенным усердием тереть мне лицо размолотой крупой в кислом соке. К тому времени, как они закончили, я блестела, словно мокрая галька, а всё тело горело, как если бы я заснула на солнцепёке.

Они подвели меня к разложенным на лавке в купальне одеяниям и принялись оборачивать вокруг меня один за другим слои тонкого шёлка.

– Зачем это? – не понимала я. – Дайте мне что-нибудь попроще, в чём спать.

– Не ходить же до вечера в исподнем, – заявила Буппа. – Привыкайте прилично одеваться. За вами, между прочим, приданого сорок восемь сундуков!

– Но... Это же приданое Кессарин, – выдавила я.

– Ай, ну, а кто у нас теперь Кессарин? – фыркнула Буппа. – Прати Кессарин, видите, хочет замуж по любви, и её жениху до сундуков дела нет. А вот если махарьяты чего не досчитаются, могут и требовать с батюшки её. Тут-то мы и попадёмся!

– Как прани собирается там жить, – подала голос другая служанка, – если даже не знает, что у неё за приданое?

Я прикусила язык и не ответила: "Никак".

– Не говори, – вздохнула Буппа. – Чувствую, надо мне у прати Кессарин брать увольнительную и ехать вместе с прани на гору, а там не отходить ни на шаг, пока она не научится. Мало ли, вдруг ей там слуг не дадут... А если и дадут, они же всё поймут сразу! Прани, да не сюда руку, это не рукав! Небеса, как же вас в люди-то выпускать?

Я была в ужасе. Мало мне Вачиравита, которого не хочется убивать, так тут ещё Буппа! Она-то уж и вовсе ни в чём не виновата. Но как мне устроить катастрофу размахом во всю гору и при этом не задеть служанку? Выгнать её накануне? Так это ещё предлог придумывать...

– Не надо! – взывала я. – Я справлюсь! Наверняка они ко мне приставят нерадивую прислугу, которая больше никому не сгодилась, вам не надо беспокоиться! И вообще, я умею это всё носить, просто отвлеклась! У меня в клане церемониальные одежды в двенадцать слоёв без чужой помощи надевают, и справлялась как-то!

Выпалила и рот захлопнула. Надеюсь, Ниран не слышал, а слуги не придали значения моим словам. Вовсе незачем было им говорить, что у меня есть клан!

Но двенадцать слоёв двенадцатью слоями, а городская мода отличается, да и избалованная кананична в жизни сама не одевалась. Вещи же лежали по сундукам, а сундуки – в доме Адульядежа, и Буппа явно считала, что ей отправиться со мной на гору гораздо проще, чем мне тайком проникать в

закрома хорошо охраняемого поместья, чтобы там в темноте и не издавая ни звука примерять наряды.

— Конечно, с вами должны быть слуги! — категорично заявил Ниран, когда Буппа озадачила его этим вопросом. — Я должен был сам об этом подумать. Хотя бы трое, а то мало ли...

На грани истерики с троих я всё же сторговала до одной Буппы. Ладно, если у них на горе так много махары, зачерпну ещё и замурую её в сто защитных барьеров. Союзница, которая знает, кто я на самом деле, и правда не помешает. Может, подскажет что-то дельное или хоть на кухню ночью сгоняет за перекусом, пока я буду планировать поджог. Богатыньким прати наверняка на кухню путь закрыт.

К вечеру я благоухала целым букетом ароматических масел, мои волосы с ровно подстриженными концами струились, словно шёлковые нити, на ногтях блестел лак, а кожа стала нежной, как мякоть манго, даже на пятках. Процедуры, которым меня подвергали весь день, утомили меня больше, чем сражение с армией призраков, так что, когда меня оставили в покое, я могла только лежать на диване на задней террасе и безучастно рассматривать белеющие в сумерках цветы лотосов на глухой жёлто-зелёной воде. Буппа пристроилась рядом с какими-то чашечками, ступками и пестиками. Я так поняла, она толкла цветочные лепестки, чтобы завтра меня нарумянить. Избыток махары в теле делал мою кожу почти чёрной, так что обычно румяниться мне было

бессмысленно, но завтра я буду скрывать часть силы и по-светлею. Вот ведь тоже, чем дольше я буду разведывать ситуацию и планировать свою атаку, тем дольше мне придётся сдерживать силу, а мне это не то чтобы легко давалось.

Я лежала и рассматривала коробочки на столике перед Буппой и от этого унывала всё больше, вспоминая горную ба. Ещё того мерзавца найти... Те, кто убивает хозяев гор, точно не заслуживают моей жалости.

– Буппа, – позвала я, наблюдая, как её полные руки ловко управляют с пестиком. – Ты что-нибудь знаешь об амардавике с Жёлтой горы?

– Которая людей воровала? – невозмутимо уточнила Буппа. Моё сердце ухнуло куда-то в живот. – Да кто про неё что знает? Порешили, и славно.

– Людей? – выдавила я.

– Ну вон, – Буппа махнула в сторону высящейся над городом Оплетённой горы. – Пранур этот ваш, за которого вы пойдёте. Его едва живым отбили! И то, говорят, с тех пор сам не свой. Страшное дело, – она осуждающе покачала головой и обвела вокруг темечка защитный круг. – Не приведи небеса, попадёшься вот так. И это махарьят, а что бы с обычным человеком стало? Вон в Ангуне, говорят, тоже амарданур повадился по человечину. Страсть!

У меня внутри всё завязалось в узлы. Что значит "тоже"?! Я ещё могла себе представить, что амард похищал бы людей для развлечения или чтобы они ему служили, но не чтобы

их пожрать! А если для этого, то как Вачиравит прожил на горе целый год?! Непрерывно отбиваясь? Чушь, амарды не нуждаются во сне, а махарьят, хоть он сколько угодно могущественный, рано или поздно заснул бы. О чём я вообще думаю?! Моя амардавика никогда бы даже не подумала сожрать человека! Это немыслимо!

– Да вы не переживайте, – вздохнула Буппа. – Он пусть не в себе, но в целом тихий, уж небось не обидит. Вы девушка миловидная, будете с ним по-доброму, авось и заладится дело. Саинкаеу вообще господа отзывчивые, не зазнайки. Лишь бы не заподозрили ничего, а так будет у вас там хорошая жизнь.

Я стиснула зубы и изо всех сил сосредоточилась на пении жаб в пруду, пропуская тираду Буппы мимо ушей. Вот только слушать про то, какие Саинкаеу хорошие, мне не хватало! Да и какая может быть хорошая жизнь среди тех, кто попрал вселенский закон?

По моей спине пробежал холодок. Вселенский закон ведь предписывал и супругам беречь друг друга, однако же я собиралась использовать брак как способ проникнуть во вражий стан с самыми разрушительными намерениями. Выходило, я и сама своим поступком нарушала мировой порядок. Ужаснувшись сама себе, я едва не помчалась заявлять Нирану, что всё отменяется, но тут же вспомнила, что уже приняла плату, и отдавать её нечем. Пренебречь обязательствами в сделке – немногим лучше, чем пойти против брачных

уз. Нет уж, если мне так и так грешить, то лучше с пользой для дела.

Джароэнчай вышел на террасу в одной рубашке и закатанных по колено штанах, похоже, забыв о моём присутствии. Под вечер в доме стало невыносимо жарко. Слуги развесили талисманы на все дверные и оконные проёмы, чтобы выгнать жар, но на их работу требовалось время. Кананич откинул за плечи прилипшие к шее пряди волос и уселся на краю террасы, спустив ноги в мутную воду. Вода-то небось тёплая, как остывающий чай, но не моё дело: хочет болтать пятками в этом бульоне, потом от кожных язв не мне его лечить.

Внезапно он вскрикнул и отпрянул от края, изогнувшись дугой назад. Я подумала, что он соскользнул с мокрых досок и сейчас подтянется и сядет понадежнее, но он почему-то не вытаскивал ноги на настил, хотя изо всех сил перебирал локтями, стараясь отползти назад. Он закричал снова, и из дома выбежали два охранника. Они подхватили его под мышки и потянули, но никто никуда не двинулся.

– Оно меня схватило! – проорал Ниран своим голосом. – И держит!

Один из охранников качнулся было вперёд, ослабив хватку, чтобы подойти и заглянуть за край настила, но Нирана тут же дёрнуло вперёд.

– Стойте! – крикнула я, подхватываясь с дивана. Охранник уже снова тянул Нирана к дому, но они не двигались с места. Я подбежала к краю террасы и бухнулась на колени,

осторожно заглядывая вниз.

Нога Джароэнчая по лодыжку была в воде, а вторая отчаянно упиралась в настил. Сквозь жёлто-зелёную муть и днём-то ничего не увидишь, а сейчас уже сгущались сумерки.

– Это рука! – выпалил Ниран, дёрнувшись в очередной попытке освободиться. – Меня схватила рука из воды! Прани!

Но я уже чертила в воздухе знаки защитной пелены. Лезть под настил без неё было бы самоубийством.

Как только узоры на моём теле засияли голубым так, что меня равномерно окутало световым покровом, я свесилась к воде и запустила в неё руку рядом с ногой Нирана. Вода и правда оказалась тёплой, как падаль на солнцепёке, и пованивала разложением. Конечно, никакой руки я не обнаружила – если я правильно понимала, что напало на Нирана, рук у этого нет, ему просто примерещилось в полутьме. А вот характерный снопик я нащупала. Вцепившись в него изо всех сил, я послала свою махару по руке, одновременно охлаждая её, пока вода между пальцами не замёрзла, как лужица на вершине горы ночью. Вскоре льдом покрылась не только моя рука, но и нога Нирана, и, наконец, опутавшая её дрянь. Замороженная, она не могла больше цепляться за воду и легко выскользнула, когда я дёрнула вверх.

Джароэнчай вместе с охранниками отлетели на пару шагов и проволокли меня по настилу, потому что я не могла

отпустить дрянь.

– Несите топор! – скомандовала я.

Буппа, замершая над брошенными склянками и ступками, подорвалась и побежала в дом. Ниран забился, пытаясь сбросить дрянь с ноги, но шансов на это не было, а вот меня он бы рано или поздно сбросил.

– А ну тихо! – рывкнула я. – Держите его!

Один из охранников заколебался, а вот второй, похоже, не первый раз имел дело с махарьятами и сразу кинулся на помощь, прижав ногу Нирана к доскам и навалившись всем весом.

– Вы мне ногу отрубите?! – в ужасе выпалил Ниран, вытаращившись на меня безумными глазами.

– Будете дёргаться, так обе! – огрызнулась я. – Эта дрянь потащит вас обратно, как только разморозится, и просто отцепить её невозможно.

Даже в ледяном панцире сноп гибких веток и водорослей, который я держала за хвост, сдавливал ногу Нирана всё ту же. И лёд быстро таял, выпуская в воздух непередаваемо отвратный запах мертвечины, разлагающейся в донном иле.

Наконец прибежала Буппа – с топором и ещё двумя охранниками, которые тут же вцепились в Нирана руками, а в меня взглядами.

Я осторожно перехватила сноп подальше от ноги, прицелилась и рубанула топором поперёк тонких веток. Дрянь чуть не вырвалась у меня из руки, подбросив ногу Нирана на

два локтя в воздух, раздался пронзительный свист, похожий на визг, и из надрубленного снопа брызнула чёрная кровь. Там, где она попала на одежду людей и доски террасы, зашипели прожжённые дыры.

– Помогите держать, – выдавила я сквозь невыносимую вонь. Глаза слезились, и в горле стояла желчь, но отодвинуться или даже отвернуться я не рисковала.

Бывалый охранник отпустил Нирана и подбежал ко мне. Я жестами показала ему, чтобы ухватился поверх моей руки – открывать рот в этом смраде хотелось меньше всего. Когда мужчина со всей силы навалился на сноп, я рубанула второй раз. На сей раз кровь брызнула ровно вверх и сожгла немного моих волос, но, к счастью, я успела отодвинуть голову. Пришлось рубить пять или шесть раз, пока наконец все ветки оказались рассечены. Ниран орал и метался – ему на кожу попало немного чёрной крови, а под местом разделки в настиле образовалась дыра в два кулака. Но всё же мне удалось победить смердящую дрянь, и после последнего удара она опала, выпустив потемневшую и отёкшую ногу Джароэнчая. Не мешкая, я оттолкнула охранника, выставила руку с разрубленным снопом над водой и прошептала заклинание вулканического пепла. Дрянь вспыхнула, как невзлетевший праздничный огонь, и распалась в моих пальцах в пепельные лепестки.

Я сполоснула руку в цветущей воде – она хоть и пахла, но всё лучше, чем то, что я только что держала, – и

шмякнулась на обугленный настил навзничь перевести дыхание. Краем глаза я видела, что Буппа уже оmyвает Нирану ногу свежей водой, а кто-то из охранников нашёл у себя в поясном кошельке мазь от ожогов. Ниран тихо всхлипывал от боли, но он очень легко отделался. Ну будет шрамик вокруг лодыжки, ничего страшного. Сам не утонул и ноги не лишился.

– Что это было? – проскулил он, когда Буппа закончила наносить мазь. Я глянула – а мазь-то, похоже, с махарой. Вон как бодро заживляет. – Я второй год этот дом снимаю, перед моим приездом здесь всё зачищают и ставят защитный контур! Откуда оно... приплыло?

Я мотнула головой.

– Не приплыло. Подсадили. Это дело рук человека.

– Меня хотели убить?! – ахнул кананич в таком изумлении, будто этого вообще никогда и ни с кем не случилось. – За что?!

Я пожала плечами, провезя ими по шершавым доскам.

– А то сына канана не за что убить? Если и не у вас, то у вашего отца небось врагов хватает.

– Но почему здесь?... – выдавил Ниран.

Я снова пожала плечами и принялась делать дыхательную гимнастику для восстановления махары. Здесь, у подножия Оплетённой горы, её витало в воздухе достаточно, чтобы за ночь пополнить запас. Не то чтобы он мне завтра понадобится... Хотя как знать, если на Джароэнчая ещё будут по-

кушаться, придётся защищать его, по крайней мере пока не отбуду на гору. Но от кого защищать – дело не моё. Мало ли кому он дорогу перешёл.

– Эту штуку трудно сделать? – спросил бывалый охранник.

Я покачала головой, неохотно прерывая дыхательное упражнение.

– Зависит от того, что у мастера было под рукой. Если болотные желтоскоки, то их пару сотен наловить надо, а если попался настоящий водяной, то и одного могло хватить.

– Подождите, – просипел Джароэнчай. – Это что, сделано... из демонов?

Я кивнула. Большая часть дряни для сведения счётов с врагами делается из демонов.

– Их морят голодом, пока они не ужимаются, а потом скручивают в жгутики... Если демон большой, то складывают такой жгутик во много раз. Ну и проклятиями приправляют, чтобы сшить всё это в сноп. Махары на такое уходит обоз. Прошитых уже невозможно вернуть в исходную форму, даже если накормить. Остаётся только сжечь.

Нирана стошнило прямо на настил, и я решила всё-таки встать и пойти в дом, авось там уже стало попрохладнее.

– Прани! – воскликнула Буппа, тяжело поднимаясь с колен. – Небеса милостивые, сейчас же мыться!

Я оглядела себя. Тело-то я защитила пеленой, а вот нежные белые шелка местами прогорели насквозь. От широ-

ких рукавов остались жалкие лоскуты. Волосы тоже местами подпалило. И всё это было изгваздано в желтоватой мути пруда и саже от обуглившихся досок.

– Может, завтра?.. – робко попросила я, сама понимая, что никто меня в таком виде на чистые простыни не пустит.

– И завтра тоже! – категорично заявила Буппа, сцапала меня за запястье и уволокла в свой банный мир.

На следующий день меня подняли затемно, чтобы начать приготовления. Ещё вчера я страдала, что со мной слишком долго возятся, но это не шло ни в какое сравнение с сегодняшними мучениями. Время от времени Буппа подводила меня к огромному зеркалу в омывальной и заставляла крутиться, чтобы оценить результат, после чего кто-нибудь из служанок замечал огрех, и всё начиналось сначала. Я сама вообще не видела разницы между этапами, но они уверяли, что любая обеспеченная горожанка сразу бы всё заметила. Хорошо же они тут живут, что у девицы из воинского сословия есть время разбираться в этих тонкостях!

Они издевались надо мной от четвёртой до двенадцатой большой чаши, и когда мы наконец выдвинулись на встречу с Кессарин, солнце уже перевалило за полдень. В самый разгар зноя на улицах почти не осталось людей – на то и был расчёт, но сидеть в душной тесной повозке, которая нагревалась, как бочка с перегноем, то ещё удовольствие.

Чтобы добраться до особняка Адульядежа в приличном виде и не растворить собственным потом наведённую кра-

соту, мне пришлось укутать себя пеленой прохлады, которая светилась на всю повозку. К счастью, снаружи, на ярком солнце, это было не очень заметно.

– А как же мой меч? – спохватилась я, когда мы с Джароэнчаем и Буппой отъехали от дома.

Ниран уставился на меня.

– Вы же выдаёте себя за городскую прати из семьи канана. Откуда у неё может быть меч? Не говоря уже об умении им владеть.

– Канана же, а не купца, – заметила я. – В Чаате дочери воинов не касаются оружия?

Буппа сделала над головой охранный жест, а Ниран скроил надменную гримасу.

– Плох тот канан, которому самому приходится меч в руку брать, что уж говорить о его дочерях!

Я нахмурилась. В моих краях канан был в первую очередь воеводой и только потом мирным градоправителем, но у нас и городок не такой большой, не говоря уж о том, что рядом с ним не живёт один из великих кланов махарьятов.

Я с надеждой покосилась на небольшую сумку в руках Буппы, в которую поместился мой вселенский мешок и ещё куча причиндалов на случай, если мне нужно будет поправить причёску или лицо. Служанки заштукатурили меня пудрой и румянами так, что я стала белой, словно призрак лихорадки, а узоры вообще было не различить, если они не светились. Выбирать не приходилось – у меня и Кессарин,

конечно, разные узоры. Главное мне не забыть и сдерживать эмоции, пока я на виду у Адульедежа. Потом в клане никто уже не вспомнит, какие там у Кессарин были узоры.

– Сюда меч никак не влезет, – отрезала Буппа, проследившая мой взгляд. – А в ваш волшебный мешок, сами говорите, нельзя. Да и от греха лучше вам вовсе его не брать, ещё забудетесь и достанете, а потом объясняться!

– Он очень ценный? – встревожился Ниран. – Может быть, мне удастся его передать вам позже?..

Я рассеянно покачала головой. Меч у меня самый обычный, даже не на заказ выкованный, просто стандартный проводник махары с острым лезвием. В клане, если понадобится, я легко подберу себе другой, там их наверняка полный арсенал, ещё и сталь небось получше. Зайду и потребую, не откажут же они мне в мече? Или, может, лучше потихоньку стащить, чтобы не привлекать внимания... Ладно, разберусь. Просто непривычно выходить из дому без меча. А тем более лезть во вражеский стан.

Проехали мы всего ничего – несколько улиц, два поворота и во двор какого-то заброшенного дома с заколоченными ставнями. Ниран предупредительно помог мне выбрать из повозки под навес заросшей лианами беседки, где было почти прохладно. Я изо всех сил старалась не запутаться в длинных юбках и очень радовалась низким сандалиям. Если бы я скакала по болотам в погоне за демоном, я бы прекрасно справилась и в обуви на одном зубце высотой в две

ладони, но тогда я была бы в шароварах, а вот как ходить, чтобы подол не попадал под ноги, я пока не поняла. Но хотя бы балансировать на низких было проще. Вон Ниран вообще носит такие сандалии, у которых передний зубец низкий, а задний высокий, так что ступня изгибается красивой аркой. Не могу себе представить, как он не падает через шаг.

Пока я раздумывала, притворявшаяся заколоченной дверь дома открылась, и по ступенькам резво сбежала девушка в золотом наряде, а с ней две служанки в тёмно-красном, как Буппа. Ниран выскочил из беседки им навстречу и раскрыл объятия для своей возлюбленной. Обниматься на солнцепёке без охлаждающей пелены – мне стало нехорошо от одного вида, так что я отвела взгляд. Буппа нервно покосилась на ворота. Заехав внутрь, мы их закрыли, но я понимала её опасения: вдруг кто заглянет поверх. Наконец парочка насладились встречей и присоединилась к нам в тени беседки.

– Знакомьтесь, – с явной гордостью объявил Джароэнчай. – Это моя Кессарин. Кессарин, это прани махарьятта.

Она, наверное, и правда была на меня похожа. Мне трудно судить: я вообще не очень часто вижу своё лицо. Зеркало в дороге лишний груз, да и дома оно у нас одно на всех, у матери в спальне, а глядеться в лужи – много там рассмотришь... Тёмный силуэт да узоры светятся. Ну и глаза, ясное дело, заодно с узорами. Конечно, сегодня я весь день только и делала, что стояла перед зеркалом, но с непривычки соб-

ственное лицо казалось мне чужим и каким-то неправильным. Кессарин тоже была напудрена до белизны и так же, как я, нарумянена по самые брови. Я даже подумала, что осветлять кожу мне незачем, её и так не видно. Разве что руки...

Я кивнула в знак приветствия, а вот Кессарин поклонилась мне в пол.

– Вы моя спасительница, – произнесла она тихим низким голосом. Я прислушалась: придётся ведь и его имитировать. – Я не знаю, как вас и благодарить.

Я пожала плечами. Получать поклоны и благодарности мне не привыкать, махарьяты постоянно людей спасают. А что до способа...

– Обманывать, конечно, неприятно, – сказала я, – но от брака с Саинкаеу будет и польза. Я не жалуюсь.

– Не сомневаюсь, что махарьятте Оплетённая гора придётся по вкусу, – улыбнулась Кессарин, разгибаясь. – Там огромная библиотека и лучшие учителя. Джароэнчай сказал, вы весьма одарены от природы, а с теми знаниями, что можно получить у Саинкаеу, вы станете знаменитостью под стать Вачиравиту. А то и превзойдёте его.

Я отвела взгляд. Не могла же я ей сказать, что мои планы вовсе не предполагают мировой славы?

– О, прани даже более одарена, чем я решил поначалу! – вклинился Ниран, к счастью, отвлекая от меня внимание Кессарин. – Вчера вечером она спасла меня от насланной нечисти, ты представляешь?! Кто-то пытался меня убить!

Это великое счастье, что прани оказалась в моём доме именно тогда, иначе даже не знаю, справились бы мои охранники до тех пор, пока Саинкаеу соблаговолили прислать кого-то, или нет!

Кессарин ахнула и хотела было схватиться за лицо, вспомнила о румянах и пудре, опустила руки, вспомнила, что не собирается возвращаться на свадьбу и смазанные румяна не важны, и всё-таки прижала ладони к щекам.

– О, Джари, какой ужас! Нам нужно поскорее убираться отсюда!

Узоры её при этом вспыхнули испуганным жёлтым, и я снова порадовалась: они оказались ритмичными и связными. Должно быть, Кессарин не пренебрегала духовными практиками, которые поддерживали гармонию между душой и телом. Мне это было на руку: в точности какие именно у Кессарин узоры, вряд ли кто-то помнил, но вот связные они или порознь наляпанные, Саинкаеу наверняка заметили, особенно если надеялись с помощью молодой жены успокоить метания Вачиравита.

– Да, действительно, – опомнился Джароэнчай. – Вам пора переодеться!

Дальше началась суматоха: Джароэнчай принялся помогать Кессарин вытряхнуться из свадебного наряда, но он не очень хорошо понимал, как там что завязывается и сколько слоёв снимать. Мне же тоже надо было избавиться от верхнего платья, и когда я задрала юбку, служанки дружно вы-

толкали Нирана из беседки и завесили вход покрывалом. Хотя что такого неприличного он мог там увидеть? Я задрала только верхнюю юбку из четырёх, а под самой нижней на мне ещё были узкие подштанники до щиколоток. Наконец Кессарин сбросила золотые тряпки, а я вылезла из своей не приметной оранжевой – такие носили полгорода, и она сливалась по цвету со стенами домов.

К счастью, свадебный наряд – штука безразмерная. Одно узкое полотно-чонг оборачивают вокруг груди, а второе – сатику – красиво драпируют по спирали вокруг всего тела, перекидывая через плечо вышитый шлейф. Юбка-солнце тоже завязывается на запах, так что на мне она сидела ничуть не хуже, чем на Кессарин, хотя у Кессарин, в отличие от меня, аппетитный животик.

Буппа мастерски расправила сатику поверх моих рук так, чтобы скрыть как можно больше, а другая служанка приколотла юбку к чонгу так, чтобы мои костлявые бока не оголялись при движении. Все вместе они критически меня оглядели и поддели под нижние юбки сложенное вдвое покрывало, чтобы добавить пышности бёдрам, иначе я бы за Кессарин не сошла. Моё оранжевое платье на Кессарин сидело внатяг.

После этого на меня навьючили несколько тяжёлых ожерелий с подвесками до бёдер, так что из всей меня на глаза могли бы попасться только ключицы и одно плечо, но они будут надёжно скрыты свадебным покрывалом.

Потом мы с Кессарин выставили вперёд руки, чтобы я

смогла подогнать свою кожу по цвету к её. Пришлось скрыть почти половину моей махары – но для обывательницы Кессарин была действительно очень одарённой. Едва мерцающие от волнения узоры на её руках и лице сплетались аккуратной вязью, что свидетельствовало о регулярных духовных практиках. Это было мне на руку: запомнить все подробности узоров в точности мало кто может, а вот обратить внимание на то, что раньше они были рваными и раздельными, а всего за несколько дней сплелись в жгуты и потоки, – запросто. Мне повезло, что Кессарин часто молилась или медитировала, ведь так наши узоры труднее было различить.

Я глубоко вдохнула и сосредоточилась на сокрытии своей силы. Скрывать махару не то чтобы сложно... Это как будто нести что-то в кулаке и не выпускать, чем бы ни занимался. В каждый отдельный момент вроде легко, но за несколько дней ужасно утомляет, и стоит отвлечься – расслабляешься и теряешь контроль. Ну да ничего, мне недолго надо продержаться.

– Всё? – с надеждой спросила я, когда Буппа закончила расправлять невидимые складочки на юбке, а другие служанки воткнули мне в волосы заколки с головы Кессарин. Мне уже стало жарко, даже несмотря на охлаждающую пелену. В четырёх юбках, сатике, драгоценной броне и покрывале пекло, как в латах.

– Вам надо погасить узоры, – напомнила Кессарин, которая даже не вспотела, хотя пришла сюда во всём этом золоте.

Я тихо застонала.

– Может, когда мы дойдём до места? С меня иначе вся пудра утечёт.

Кессарин нахмурилась, а потом ахнула, засунула руку за пазуху, роясь в нижних слоях, и извлекла небольшой амулет.

– Вот, возьмите. Я потерплю.

Я рассмотрела штучку: змеевик в серебряной оправе из отлитых символов. Вроде ничего особенного, но махары в нём – человек на пятьдесят. Неудивительно, что она не вспотела. С таким амулетом можно и замёрзнуть на солнцепёке, если очень захотеть.

Я молча засунула его себе за пазуху и погасила пелену.

– О, – сказала одна из служанок Кессарин, стоило мне перестать светиться, как праздничный фонарик. – И правда похожа!

На этом мы поспешно раскланялись.

– Чистой воды, ясного отражения, – пожелал мне Ниран напоследок, и в кои-то веки я ощутила, что эта фраза уместна, хоть это и просто пожелание удачи.

– Два пальца до края, – откликнулась я по формуле, которая должна была выражать скромность, мол, не пристало хотеть полную чашу.

И Буппа повела меня сквозь заброшенный дом садовыми дорожками в стоящую рядом почтовую станцию, пустующую в обеденный час, оттуда по галерее над улицей в доходный дом, а там по чёрной лестнице в сад, и наконец через ак-

куратную, прикрытую доской дырку в заборе в особняк канана. Поначалу я поражалась, что нам никто не встретился во всех этих общественных зданиях, но потом я подумала, что наверняка у Кессарин был амулет и для этого, так что я бесстыже задрала юбки повыше. Мы проскользнули за дом в крыло, где жили слуги, которые сейчас, конечно, все бегали с подносами и поручениями в переднем саду. Оттуда по служебной лестнице поднялись на второй этаж и зашли в комнату Кессарин.

Я ожидала увидеть что-нибудь, что помогло бы мне составить о ней представление, но тут уже не оставалось личных вещей. У голых стен стояли раскрытые сундуки, полки для декора зияли пустотами. Единственным оставшимся предметом был свадебный покров, водружённый на манекен в самом центре комнаты. По золотой ткани струились нити жемчуга, обрамлявшие драгоценные камни. Мелкими сапфирами по всей окружности убора шла вышитая цепочка благопожеланий.

Я так оторопела, увидев его, что едва не воспротивилась, когда Буппа сняла его с болванки и прицелилась надеть на меня. Внезапно то, что я собралась совершить, обрушилось на меня, как горная лавина. Украсть свободу какого-то несчастного, чтобы потом уничтожить его семью... И ради этого мне нужно надеть вот это произведение искусства, в которое какая-то мастерица, а то и не одна, вложила месяцы труда... Даже скромный свадебный убор моей матери хра-

нился с почётом в самом дорогом нашем сундуке, чтобы достаться той из моих сестёр, которая первой выйдет замуж. А этот – сгорит вместе с Оплетённой горой?

– Прани, не стойте столбом, пригнитесь хоть, – зашептала Буппа. – Вы высокая, я так не достану...

Я покорно присела и позволила ей водрузить тяжёлый покров мне на голову. В нём даже не было душно или неприятно: тонкая металлическая корона поддерживала ткань высоко над причёской и далеко от лица. В районе глаз в плотный материал была вшита сеточка, так что я видела, куда иду, а край покрыва отстоял от тела с достаточным зазором, чтобы смотреть под ноги. Не знаю уж, сама Кессарин потребовала такую модель или Адульядеж позаботился о дочери, но я ясно ощутила себя не на своём месте. Если бы я когда-нибудь по-настоящему собралась замуж, у меня на голове был бы простой платок с золотой бахромой, и тот я бы сдёрнула сразу после церемонии. Однако там, где махарьят может себе позволить обойтись простыми и действенными символами, в воинском сословии понимания, как именно работают символы и жесты, нет, а потому церемонии соблюдаются со всей серьёзностью. Так что под этим покрывом мне предстоит проделать весь путь до супружеской опочивальни...

– Мне можно будет есть на пиру? – внезапно спросила я Буппу.

– Только если незаметненько, – вздохнула она, заново расправляя на мне юбку. – Вообще-то не полагается. Ну, может,

муж пособит, не изверг же он, должен понимать.

Я кивнула и приготовилась весь оставшийся день медитировать на насыщение солнечным светом. Всё, что я до сих пор слышала о Вачиравите, не наводило на мысль о внимании и заботе. Скорее можно было рассчитывать на то, что он не заметит, как я кусочничаю.

Снаружи доносились крики, гудение ритуальных дудок и тяжёлые удары – родня жениха имитировала вышибание ворот. Потом удары стихли и начались женские визги: перелезшие через стену друзья и братья жениха принялись хватать всех девиц и проверять, не невеста ли это. Главное свадебное увеселение и для тех, и для других, даже более привлекательное, чем пирушка. Я неслышно вздохнула: мне теперь по-любому в таком больше не поучаствовать.

Адульядеж явился в комнату, чтобы проводить меня до алтаря предков. Он был невысоким, стройным и щеголеватым господином среднего возраста. К счастью, он ничего не сказал, а я тем более: Кессарин должна была обижаться на отца за принуждение к браку, а мне вовсе не хотелось лишний раз имитировать её голос. Мой собственный гораздо выше и резче, и им хорошо кричать команды на охоте, а не флиртовать по тенистым садам с молодыми праатами.

Уже во дворе, задрапированном красными и золотыми знамёнами и усаженном ярчайшими цветами из шёлка, когда толпа родственников возликовала при моём появлении, Адульядеж придвинулся ближе и, пахнув вином так, что я

сквозь покров почувала, шепнул:

– И не вздумай чего-нибудь отчудить. Два шага до алтаря, пять чаш простоят на коленях. Не надорвёшься.

Я закусила губу и ничего не ответила, внутренне немножко злорадствуя, что Кессарин уже отчудила самое грандиозное, что можно было вообразить. Адульядежу точно будет полезен урок, который я ему преподам, когда разнесу всю гору к прародительнице амардов.

Отправитель службы воззвал гнусавым голосом и ударил в гонг. Адульядеж отпустил мой локоть и подтолкнул в спину. Я сделала свои два шага до алтаря. Справа от меня возник кто-то высокий и тоже в золоте. Мы вместе преклонили колени перед столом с именными табличками всех предков Саинкаеу и Адульядежей, которые удалось собрать по родственникам – внушительный, надо сказать, лес получился.

Под ритмичные завывания отправителя культа вместе мы поклонились предкам, выпрямились и замерли, пока он оплетал наши головы толстой белой нитью. К счастью, мне не пришлось ничего говорить: отправитель сам знал полное имя Кессарин и назвал его нараспев, вписав в ритм своего бормотания. Жениха тоже назвал в соответствии с ожиданиями – Вачиравит Саинкаеу.

Нить ложилась свободными волнами, иногда соскальзывая по покрову на грудь. Когда от нити остался самый хвостик, отправитель потребовал наши руки: мою правую и жениха – левую, и смотал наши запястья вместе, приговаривая

молитвы и пожелания вечного союза. Рука у жениха была приятная. Я видела только ладонь, так что не могла судить об узорах, хотя они горели ярко – свет отражался в золоте одежд, придавая им какой-то странный оттенок. А так хорошая рука, большая и тёмная, ухоженная, но мозолистая. Немудрено, если он только и делает, что мечом машет. Мои-то мозоли Буппа вчера размочила и сошлифовала, а то были бы под стать... Я оборвала эту мысль. Как бы ни был мой жених привлекателен, я собиралась убить его и весь его клан, мозоли там или не мозоли.

Наконец обвитая вокруг нас нить вспыхнула заговорённым пламенем, оставив только кусочек на запястьях, и нам разрешили встать и пойти украсить собой праздничный стол. Жених – теперь уже муж – прошёл туда величественно, почти не заставляя меня догонять, хотя, возможно, дело было в том, что у меня длинные ноги. Слуги поспешно выдвинули нам украшенные искусственными цветами кресла, и мы опустились в них, чтобы благосклонно взирать на собравшуюся родню.

Ну, он, может, и собирался взирать на родню, а мне вот стало интересно всё-таки посмотреть, каков он из себя. Так что я аккуратно повернула голову, чтобы покров никуда не съехал, а голова мужа попала в обзор через сеточку.

Это был тот самый изверг, который зарубил мою горную ба.

Глава 5 Свадебное вино

Флейты заныли, а бубны зарокотали, будто сама судьба смеялась надо мной их голосами. Я таращилась сквозь полог на Вачиравита и не могла пошевелить даже пальцем. Мышцы окаменели, сдавленные напряжением. Если бы не это, я бы сорвала полог и подняла тут всё на воздух одним только визгом. Как я могла?! Нет, ну как я могла?! Что сказал бы отец, если бы увидел меня сейчас? А как бы плакала мама! Ицара Суваннарат опозорила свой клан! Вместо того, чтобы отомстить врагу, она взяла и вышла за него замуж! И сидит теперь за праздничным столом, наслаждаясь прохладой талисмана, на который ушло столько махары, что мой клан мог бы шестнадцать лет в счёт неё защищать все наши подопечные поселения.

Потом мне пришла другая мысль. Если этот паскуда так легко разделался с горной хозяйкой, он ведь мог и на амардавику напасть. И тогда она бы стала защищаться. Может, она просто обездвижила его и посадила в какое-нибудь дупло? Или вовсе превратила в котелок. И это бы всё объяснило: конечно, амардавика не напала бы на случайного путника, но и не позволила бы первому встречному-поперечному угрожать её жизни. И, понятное дело, если он год провёл, превращённый в предмет утвари, то потом не смог сразу вернуться к человеческой жизни: нужно время, чтобы адаптироваться

обратно. Да ещё его чести и поганому его достоинству нанесли величайшее оскорбление! Ари Чалита была амардавика с юмором, мало ли во что она его превратила! Вот он и бросается теперь на любую тень, пытаясь доказать себе и миру, что достоин большего.

Я неслышно перевела дыхание и велела себе не плакать. Что ещё за выходки? Небось свечусь уже, как драгоценный камень на солнце. Я быстро оглядела свои руки. По крайней мере, махари я исправно сдерживала. Узоры полыхали пристыжённым розовым с уклоном в разгневанный красный, но для свежей жены, только что впервые увидевшей своего мужа, это было не зазорно. Тем более, что Вачиравит вполне мог впечатлить даже повидавшую холёных кавалеров дочь канана. Конечно, мои узоры отличались от Кессарин, но только на взгляд тех, кто её хорошо знал. К тому же сквозь покров и четыре слоя одежды их свет сливался в бесформенные пятна, а руки я спрятала под стол, так что Адульядеж не увидел бы. Велев себе успокоиться, я снова принялась рассматривать Вачиравита.

Кожа у него была очень тёмная, даже темнее моей, и с уклоном в благородный сливовый, а не поджаристо-коричневый, как моя. С этой тьмой ярко контрастировали абсолютно белые волосы, едва прихваченные единственным гребнем, чтобы не лезли в лицо, и перистым облаком спускающиеся вдоль спины. Впечатление немного портили крупные размашистые узоры на лице и руках, которые едва посвечивали

сиреневым. Вот, значит, почему на золотой ткани так странно отсвечивало.

Фиолетовый спектр – признак хандры и безумия или просто тихого несчастья. Если Вачиравит даже ради собственной свадьбы не смог справиться с эмоциями и приободриться, то дела и правда плохи... Ещё большой вопрос, почему он согласился жениться на незнакомой девушке, когда сам был в таком плачевном состоянии. Уж не надеялся ли он и правда за счёт кананичны поправить своё здоровье? Надеюсь, амардавика напоследок залепила в него чем-нибудь таким, что всю жизнь будет мучиться!

Хотя я тут же сообразила, что если у него были на меня планы, то в его гамме должна быть хоть капля синевы, хоть намёк на надежду, какое-то предвкушение, а не вот эта глухая тускло-сиреневая тоска. Неужели ему постоянно так плохо? Сильный махарьят, если уж выжил, за два года оправился бы. Или дело в том, что он отчаянно ненавидит Аду-льядежей? Вряд ли Кессарин лично что-то ему сделала, они ведь даже не встречались... Но если так, то почему согласился на этот брак?

Мои размышления прервали снова загудевшие бубны. Хор женских голосов затянул ритмичную и сводящую с ума ритуальную песню, а на площадку, вокруг которой стояли столы, выплыла группа девушек в одинаковых костюмах – коротенькие чόли без рукавов и с глубоким вырезом, едва прикрывающие бока, шаровары, украшенные спереди по-

лукруглой складчатой юбочкой, как перевернутый веер. А внутри шароваров тоже, как у меня, покрывало поддето, не иначе, уж очень пышный силуэт. Девицы сразу принялись танцевать во имя бога-прародителя и богини плодородия, и тут до меня дошло, что это нанятые танцовщицы. Ни Адульядежи, ни Саинкаеу не вышли танцевать сами!

Я осторожно повернула голову туда-сюда, пытаюсь определить присутствующих. Слева от меня и под прямым углом за собственным столиком сидел Адульядеж, по его левую руку – другие прааты, прати и пратый, все в ярких шелках и золоте, наверняка городская знать. Справа же от Вачиравита за симметричным столиком расположился молодой пранур – темнокожий, почти как сам Вачиравит, и такой же беловолосый. Вот кто светился надеждой, яркой, как мотыльковый горошек. Должно быть, это глава клана, как его... Арунотай. Действительно похож на брата и смотрел на него с робкой, но счастливой улыбкой. Неужели правда думал, что этот брак пойдёт Вачиравиту на пользу?..

По его правую руку тоже сидели сплошь махарьяты, хотя и не такие тёмные, как братья. Должно быть, главная ветвь клана сосредоточила в себе большую часть силы. Значит, их амард им благоволит, как мне благоволила моя амардавика. Н-да, не знаю уж, что сказал бы отец, узнай он о моём предательстве, но амардавика бы посмеялась... Ещё бы и сплясала получше нанятых девок. Из махарьятов ни один не вышел танцевать. Курьёз какой-то, а не свадьба, кому скажи –

не поверят! И они ещё ожидают, что у нас с Вачиравитом что-то сложится, когда сами палец о палец не ударили, чтобы улажить небеса? Вот чудаки!

Я ещё порассматривала Арунотая и сообразила, что он, в своих безупречно белых одеждах с лёгким мистическим сиянием, совершенно точно не перелезал через забор, чтобы хватать девок. Уж не нанимали ли они парней и на это? А визжали – не эти ли танцовщицы?

Что ж, если Саинкаеу запросто убили амардавику, странно ждать от таких людей следования мировому порядку в пустяках. Должно быть, считают, что им всё нипочём и вселенский закон – не указ.

Честно говоря, мне стало легче дышать. Мало того, что моя жертва из несчастного обиженного внезапно превратилась в мерзавца, которому я поклялась отомстить лично, так теперь ещё вопиющее неуважение к традициям... Я явлюсь на Оплетённую гору небесной карой и даже нарочно оставляю горстку свидетелей, чтобы разнесли весть, что бывает с нерадивыми махарьятами, брезгующими соблюдать ритуалы на собственной свадьбе! Тут и небеса будут на моей стороне и вряд ли раскроют мой обман, ведь если вселенский закон нарушен в одном месте, то мировой порядок прорвётся брешами повсюду, и даже богам это может принести беды. А что я сама пойду против брачных уз – так с этими нанятыми актёрами и свадьба, как не взаправду, просто представление!

Приободренная, я ещё раз огляделась и, удостоверив-

шись, что никто за мной не следит, стянула с ближайшего блюда какой-то шарик в панировке. Это оказалась креветка в кокосовом соусе. Что ж, удачно. На второй раз я сграбастала сразу горсть креветок и умяла их под покровом, потому что это было проще, чем таскать по одной. В процессе меня начал разбирать смех: невесте на свадьбе вообще не подобает есть, примета дурная, но покров прямо подначивает, никто же не видит, чем я там занимаюсь под ним! Могу хоть читать весенний сборник с вдохновляющими картинками! Проверив, не заметил ли Вачиравит, я стибрила у него из-под локтя две шпажки с кусочками куропатки в арахисовом кляре и зелёные вертушки с лемонграссом и авокадо. А неплохо кормят на этих кананских свадьбах, я вам скажу! Пить только хочется от всего этого острого и солёного...

К счастью, вскоре столы стали обносить напитками и новыми блюдами, и аккуратный молодой слуга с поклоном поставил перед Вачиравитом чашу с пюре из питахайи. Вачиравит равнодушно её оглядел и продолжил тарашиться сквозь танцовщиц. Он вообще, похоже, ничего не ел. Что ж, не хочет – не надо, мне больше достанется. Я аккуратно выпростала из-под покрова пальцы с заначенным орешком и запулила им в запястье слуги. Пока он охал, дёргался и перехватывал поднос, едва не уронив его от неожиданности, я стянула чашу со стола и отпила сколько смогла, не запрокидывая головы. А остальное вычерпала пальцем. И только тогда поняла, что кроме питахайи в напитке было вино, причём

довольно крепкое.

Дорогу до Оплетённой горы я помню смутно. Кажется, я, даже пьяная, благоразумно молчала. Помню, что в паланкин меня подсаживал Арунотай, а Вачиравит почему-то поехал верхом на гауре. Смотрелся он на нём весьма неплохо... В паланкине было тенисто, на удивление прохладно и ничего не видно, и я, кажется, заснула, а проснулась только когда всё тот же Арунотай отдёрнул занавеску, чтобы помочь мне добраться до свадебной опочивальни.

— А что, муж мой ненаглядный боится, как бы ненароком не показаться галантным? — фыркнула я, больше выпадая, чем вылезая из паланкина.

Арунотай вздохнул, как любящий хозяин капризной лошади.

— Вы же знаете, брату нелегко. Не судите его строго. Я надеюсь, со временем он к вам привыкнет.

— Да мне-то что, — пожала плечами я и сосредоточилась на том, чтобы ставить ноги более-менее на одной прямой. Сон в паланкине пошёл мне на пользу: я хотя бы не падала через шаг. Надо же было так опростоволоситься! В свою защиту могу сказать, что до сих пор никогда не пробовала вина, от которого бы не разило вином за два дня пути.

— Конечно, я понимаю, — кивнул Арунотай. — Какой юной прати будет приятно такое пренебрежение со стороны супруга... Я поговорю с ним, надо же ему с вами хоть познакомиться.

Ой, кажется, моя язвительность сослужила мне дурную службу... Похоже, Вачиравит вовсе не собирался навещать свадебные покои сегодня ночью, а теперь брат пойдёт его уговаривать! Вот промолчала бы, была бы вся ночь в моём распоряжении! Впрочем, я бы всё равно не доверила себе разведку на хмельную голову. Просплюсь, а завтра с полным правом пойду гулять.

– Не утруждайтесь, – на всякий случай сказала я, заставив Арунотая ещё раз вздохнуть и нахмуриться.

– Мой брат не плохой человек, – просительно произнёс он, как будто не в первый раз защищал Вачиравита от тех, кого тот обидел.

Я покивала и решительно закрыла рот. Я не хотела ни прощать Вачиравита, ни проникаться сочувствием к Арунотая. Эти душегубы убили мою амардавику, скорее всего, после того, как сами же на неё напали. Они не заслужили, чтобы я относилась к ним, как к людям.

Арунотай подвёл меня ко входу в какое-то здание, и я наконец заметила, где нахожусь. Передо мной росло дерево. Точнее, даже не дерево, а пучок тонких стволов, которые когда-то обвили дерево и приняли его форму, задушили его и высосали из него соки, так что постепенно оно рассыпалось трухой, а внешняя оболочка из паразитических лиан осталась. И вот сейчас я стояла у самого основания этой оболочки, перед зияющим тёмным провалом, в глубине которого угадывалась дверная ручка. Ложный ствол местами утол-

щался, и в таких местах лианы раздвигались, образуя высокие и узкие окна, а кое-где выпячивались полусферой, будто они были полосками на стеклянной трубке, в которую дунул стеклодув, чтобы создать круглую колбу. В этих шарообразных клетках, вероятно, были устроены балконы, и обзор с них открывался на всю резиденцию клана.

Я крутанулась на месте, прикидывая, что можно было бы увидеть. Растительность на горе была приземистая. В сумерках я видела аккуратно подстриженные кустики вдоль гравийных дорожек и ещё несколько свитых из лиан стволов поодаль. Обычных деревьев тут не росло, но и небо сквозь листву не проглядывало. Высоченные каркасы наверху раскрывались пышными кронами, которые смыкались друг с другом, хотя сами дома-деревья стояли неблизко друг к другу.

– Как вам наша архитектура? – с улыбкой спросил Арунотай, явно наслаждаясь моей ошеломлённостью, хотя он и не видел моего лица под покровом. Буппа тоже озиралась, открыв рот.

Я хотела задать тысячу вопросов, но вовремя сообразила, что Кессарин наверняка знала о том, как живут Саинкаеу. Уж наверняка младшие адепты в городе рассказывали. Могла, конечно, и не интересоваться, но я предпочла не рисковать.

– Впечатляет, – пробормотала я.

Вдоль ствола каждого ложнодерева прямо по ложбинкам

между лианами вились нити огоньков, а некоторые из них отходили в сторону, где верхние уровни разных каркасов соединялись мостами и висячими галереями, тоже в светящихся точечках, словно на них присел отдохнуть рой светлячков.

– У вас будет не одна возможность прогуляться по резиденции вечером, – напомнил Арунотай. – Сегодня был долгий день. Вам стоит отдохнуть.

Я рассеянно покивала и пошла вперёд, в темноту дупла, в котором виднелся вход. Однако стоило мне подойти поближе, как и там вспыхнули огоньки, осветив несколько ступенек и украшенное резьбой дверное полотно. Арунотай потянул за фигурную бронзовую ручку и впустил меня внутрь.

Мы оказались в просторном, ярко освещённом зале с полом из выбеленных досок и стенами из свитых серых лиан. Посередине ажурным столбом уходила ввысь винтовая лестница. Под узкими окнами на дальней стороне расположились несколько приземистых диванов, заваленных пёстрыми подушками. Справа качались от лёгкого вечернего бриза плетёные кресла, подвешенные на цепочках к потолочным балкам. Слева у стены притулился небольшой буфет, на открытых полках которого стояли, как украшения, чашечки и чаши из прозрачного и тонированного кварца. Большая чаша из зачарованного змеевика занимала собой центр столешницы, и в ней журчал живительный фонтанчик.

– Ваша опочивальня находится на третьем уровне, – сообщил Арунотай. – Там же для вас оборудована комната со-

средоточения, где вы можете читать или писать письма. Покои Вачиравита уровнем ниже, и вход в них для вас ограничен, а ваша служанка может разместиться на четвёртом этаже, над вами.

— А вход в мои покои Вачиравиту открыт? — с подозрением уточнила я.

У Арунотая хватило совести неловко потупиться.

— На сегодня открыт. Сами понимаете, свадьба... Но завтра уже в полдень закроется, и вы сможете открывать его по желанию. Уверяю, брат вас не обидит и не станет докучать! Он не такой человек.

Я хмыкнула, но ничего не сказала. Вачиравит на меня не взглянул ни разу за весь обед, так что я не очень-то опасалась, что он будет мне докучать. Уберётся в свою комнату, и демоны с ним. Мне надо проспать хмель, а завтра заняться делом: придумать, как поджечь все эти живые дома. Небось просто так они не загорятся — стволы сочные, да и заговорены наверняка.

Арунотай поклонился перед уходом, и я даже поклонилась в ответ. Глава клана всё-таки, хоть и молодой, а мне надо вести себя прилично, чтобы не раскрыли. Подъём на третий уровень оказался не таким тяжким, как я ожидала на хмельную голову. Вроде ступенек много, но какая-то сила будто подталкивала в спину, так что я и моргнуть не успела, как оказалась на своём этаже. Даже не помню, как пролетела мимо покоев Вачиравита.

– Птичья клетка какая-то, – пробормотала Буппа, когда мы вышли из лестничного колодца на третьем уровне. Круглое пространство здесь было поделено на несколько секторов – спальню, оmyвальную и "комнату сосредоточения", как назвал её Арунотай. Это было что-то среднее между библиотекой и рабочей комнатой учёного с массивным письменным столом. Перегородки между секторами тоже были свиты из лиан, но более тонких и поросших листьями и бородами из белых и сиреневых соцветий, испускающих лёгкий тонкий аромат. И в спальне, и в библиотеке внешняя стена раздувалась наружу, образуя те самые балконы, что я видела снизу. Вдоль лиан-меридианов мерцали маленькие золотые огоньки, а на полу поверх мягкой подстилки лежало столько подушек, что можно было построить замок. На полках библиотеки даже стояла пара десятков книг. Похоже, глава клана не поскупился на то, чтобы меня чем-нибудь занять там, где я никому не помешаю. Что ж, ему это не поможет.

Я прошла в спальню и взобралась на высокую кровать со столбами и чёрным, как ночь, пологом. Тут наверняка свет проникает из всех щелей, да и балкон выходит на восточный склон, так что без полога много не проспишь, особенно летом. На тумбочке у кровати стояла холодная лампа и две чарки со свадебным вином. Я поморщилась: как бы не выпить афродизиак по рассеянности, но переставлять было лень. Буппа положила свою сумку на столик в углу спальни и принялась отвязывать занавеси, чтобы создать вокруг меня

приятную темноту. Я просто лежала и смотрела на блестящие звёздочки, нашитые под куполом полога, и в голове у меня было абсолютно пусто.

– Сундуки-то ваши бы понять, куда дели... – забормотала она.

Но сундуки были не мои, и я перестала слушать её бормотания, постепенно погружаясь в сон. Из которого меня выдернуло её восклицание:

– Ой, пранур! Простите ради небес, ухожу-ухожу!

Я спружинила в сидячее положение и пару мгновений пыталась понять, почему ничего не вижу, пока наконец вспомнила про покров, съехавший на затылок. Я неуклюже поправила его и увидела Вачиравита – во всей золотой красе свадебного костюма. На нём была расшитая жемчугом чóкха до колен с разрезами от бедра и длинными узкими манжетами, под которой сверкала и переливалась блестящим шёлком сатика, обёрнутая вокруг ног и продетая между ними, чтобы получилась красивая мужественная драпировка. Я даже засмотрелась.

– Мой муж пришёл пожелать мне спокойной ночи?

Он постоял молча, рассматривая меня. Точнее, не меня, а наряд и покров, под которыми меня и видно-то не было. Наконец его неподвижное лицо напряглось, изобразив еле заметное отвращение. Он протянул руку и сдёрнул с моей головы покров, больно рванув волосы. Я вскрикнула и чуть не упала с кровати, качнувшись вслед за его жестом.

С половину малой чаши мы смотрели друг на друга. Его лицо казалось бы спокойным, если бы не раздувающиеся ноздри и не бурлящий в полутьме сиреневый свет узоров. Потом он отвёл взгляд от меня и заметил чарки со свадебным вином на тумбочке. Он шагнул вперёд и поднял обе. Я уж думала выпьет или подаст мне... Но он опрокинул их прямо над полом. Тёмный напиток расплескался по белёным доскам, забрызгав блестящий золотой шёлк его сатики. Вачиравит вытряс последние капли и швырнул чарки об пол так, что они разлетелись тысячами осколков. В завершение своего молчаливого представления он плюнул в разведённую грязь, развернулся и ушёл.

Я посидела, медитируя на ажурную трубку лестницы, но мыслей в голове не прибавилось. В конце концов, поняв, что ничего путного не надумаю, я перекатилась на другую сторону необъятной постели, подальше от Вачировитовых слюней, и отрубилась до утра.

Глава 6 Оплетённая гора

Наступление утра провозгласила Буппа, которая спустилась со своего чердака и увидела винную лужу с осколками – последняя занавеска так и осталась незадёрнутой.

– Прани! – ахнула она. – Вы что же, во сне чарки смахнули?!

Я подскочила на кровати, чувствуя себя связанной по рукам и ногам, и поняла, что это свадебный наряд ночью меня полностью опутал.

– Какая я тебе прани?! – зашипела я. – Была прати, стала пранья! Ещё не хватало, чтобы меня кто-нибудь заподозрил во владении махарой!

Буппа снова ахнула и шлёпнула себя по губам, но тут же сузила глаза, оглядывая меня:

– А вы цвет кожи лучше держите, смотрите, снова чёрная вся!

Мы злобно уставились друг на друга, соображая, кто из нас проштрафился сильнее. Я даже не знала, могу ли я во сне сдерживать махару. Не приведи небеса Вачиравит бы остался вчера...

– Идите в оmyвальную, – первой сдалась Буппа. – Я видела с балкона, сундуки ваши привезли, переоденем вас во что полегче, день будет жаркий.

– Сама не таскай тяжести, – наказала я, раздёргивая по-

лог с другой стороны кровати. В лицо ударил светло-зелёный свет, отфильтрованный кронами лиан. – Найди здешних слуг или хоть учеников каких-нибудь.

Из оmyвальной я вышла, завёрнутая в простыню, на случай если кто-то из призванных Буппой слуг как раз оказался в покоех. И не зря: посреди моей спальни стоял какой-то мужчина.

Не махарьят. Светленький такой, будто не то что махары, солнца в жизни не видел. Зато черноволосый.

– Это что? – выпалила я, придерживая простыню на груди.

– Я бы попросил, чтобы... – как раз говорил он, но при виде меня осёкся. Похоже, пока я мылась, он тут препирался с Буппой: служанка стояла от меня за ширмой, сложив руки на груди. – Э-э, пранья Кессарин?

– Она самая, – процедила я. – С кем имею честь беседовать посреди собственной спальни неодетая?

До него, кажется, только что дошло, что на мне не чересчур потасканный чонг, а простыня.

– Вы... – запнулся он. Сверкнул пунцовыми узорами и скатился по лестнице.

– Бесстыдник, – фыркнула Буппа. – Я его три раза пыталась предупредить, не слушает вообще!

– Кто это был?

– Да тут какой-то, – махнула рукой Буппа. – Управляющий или кто его знает. Я пару мальчишек позвала сундуки таскать, а этот явился, мол, что тут происходит да кто посмел

эксплуатировать учеников! А я ему говорю, если ты тут управляешь, так организовал бы пранье доставку багажа! Вот, я сейчас сам разберусь, ты, мол, не лезь. Ну и вышло, что вышло!

– Понятно.

Я критически себя оглядела. Ну хотя бы цвет кожи удержала, несмотря на удивление. Узоры мои тлели, как забытые угли, но тут уж сам виноват. К счастью, оказалось, что ученики успели затащить наверх один сундук, так что для меня нашёлся костюм – приличное чоли, длинная юбка-солнце и несколько разных сатик, из которых я выбрала самую непрозрачную, чтобы не сверкать мышцами живота.

– Пранья, куда же вы собрались? – одёрнула меня Буппа, когда я уже намеревалась сбежать по лестнице и пойти надрать этому управляющему все подвернувшиеся места. – А лицо накрасить? А причёску?

– Сегодня ж уже не свадьба, – растерялась я. И под взглядом Буппы поняла, что свадьба – не свадьба, а с голым лицом меня никто из дому не выпустит. Небеса, скорее бы уже сжечь тут всё к прародителю!

В итоге из дома я вышла значительно позже, размалёванная и заплетённая, как праздничная статуя. Бегать босиком мне Буппа категорически запретила – мол, приличная прати никогда не касается ступнями земли. Вот придумали тоже! Махарьяты наоборот в безопасной обстановке стараются ходить босиком, чтобы лучше чувствовать связь со сти-

хией земли, а эти развели надуманных приличий, как будто лучше всех знают! Но притворялась я кананичной, так что пришлось снова надвинуть сандалии, и подол юбки снова за них цеплялся. Злая на весь мир, я пошла искать господина управляющего.

Стоило на мгновение перестать препираться и сфокусироваться на том, что вокруг, как я почувствовала разлитую в воздухе махару. Да-а, здесь её было немеряно... Пожалуй, побольше, чем у нас при Ари Чалите. Хотя, возможно, мне после двух лет махарного голодания это померещилось. Но её можно было есть ложкой! Я бы ожидала, что моё тело примется её жадно впитывать, но, наверное, оно уже за ночь напилось, пока я спала пьяным сном. Вспокоившись, я осветлила кожу – а то стоило вдохнуть побольше махары, и цвет поплыл. Так, Ицара, соберись, ты искала управляющего!

– Какой такой управляющий? – изумился первый пойманный махарьят, мужчина средних лет и средней раскраски.

– Бледный такой, – пояснила я. – Высокий. Черноволосый. Кто тут вообще организацией быта занимается?

– А-а, это, должно быть, к вам заходил праат Чалёрм! – догадался махарьят. – Он не управляющий, он личный помощник пранура Вачиравита. Это вам вон в тот светлый древодом.

На ярком утреннем солнце лиановые каркасы действительно различались по цвету. Я ночевала в самом чернушем, как будто измазанном сажей. Прочие вокруг разнились от

тёмно-серого до бежевого, но тот, на который указал адепт, горел чистой белизной. Интересно, уж не связана ли расцветка древодомов с махарой? И беленький домик занят обывателем, который вообще непонятно что забыл в клане махарьятов. Женился он сюда, что ли?

Я решительно – насколько позволяла юбка – направилась к белому древодому. Пришлось немного спуститься по склону, поросшему аккуратнo подстриженными кустами. Некоторые из кустов оказались цветочными куртинами, и цветы образовывали такие же ровные шары и кубы, как будто их тоже регулярно подстригали. Но я не видела срезанных головок или повреждённых лепестков.

Дверь у бестактного праата стояла открытой. Я прошла пустую гостиную на уровне земли и поднялась по лестнице. В этом доме весь второй уровень оказался отдан библиотеке, так что, поднимаясь, я видела только полки за полками. К счастью, сам праат обнаружился именно там, за огромным письменным столом, где он, похоже, вообще ничего не делал, поскольку на столе перед ним ничего не было.

– Пранья? – осторожно уточнил он, как будто уже забыл, как я выгляжу.

– Совершенно верно, праат, э-э, напомните, как вас? – Я бесцеремонно промаршировала к его столу и плюхнулась в кресло для посетителей, напоминавшее плетёные песочные часы.

– Чалёрм Онсй, – представился он, и я прикусила язык.

Кто-то в его роду очень хотел, чтобы мальчик прославился, потому что оба имени твердили эту идею на разные лады.

– Замечательно, праат Чалерм. Так можно мне теперь в приличной обстановке узнать, кто и когда будет заносить мои сундуки на третий уровень? Потому что ни моя служанка, ни, безусловно, я не собираемся этого делать, – выпалила я и только тогда вспомнила, что до сундуков мне нет никакого дела, а выяснять надо совсем другие вещи. Пришлось запоздало добавить: – И я ожидаю, что мне покажут резиденцию клана, в котором мне теперь жить!

Праат Чалерм выслушал меня с широко раскрытыми глазами, поджатыми губами и постепенно краснеющими узорами.

– Пранья Кессарин. Я не ваш дворецкий. Я личный ассистент пранура Вачиравита и по совместительству учёный-историк. Ваши сундуки – не моё дело.

– Однако же вы сделали их своим делом, – заметила я, ставя локти ему на стол. – К вам никто не обращался.

– Ваша служанка, – заговорил Чалерм Онси, и его узоры ещё немного раскалились, – почему-то решила, что у неё есть полномочия указывать ученикам клана, что им надлежит делать в их свободное время. Это недопустимо.

Я поморгала. Что такого в том, чтобы учеников попросить о небольшой услуге? Им же надо как-то свой рис отрабатывать. У нас в клане на любую тяжёлую работу сгоняли мальчишек, и мне бы в голову не пришло, что у кого-то может не

быть полномочий им что-то там указать.

– Хорошо, в таком случае кто должен заниматься моими сундуками?

Чалерм пожал плечами в чокхе цвета морской волны, который делал его ещё бледнее.

– Пранур Вачиравит мне никаких распоряжений на этот счёт на оставлял.

Я раскалилась настолько, что мои узоры стали отбрасывать на белую кожу Чалерма красные отсветы. Спohватившись, проверила цвет кожи, но вроде бы пока держала его каким надо.

– Можно в таком случае узнать, где найти пранура Вачиравита? Мне бы очень хотелось убрать свои вещи с улицы до ближайшего дождя!

– Полагаю, он у себя в покоях, – невозмутимо отозвался Чалерм.

Это в тех самых покоях, в которые мне вход заказан так прочно, что я даже по лестнице пролетаю, не успевая его заметить.

– Мне не предоставлена возможность заходить к нему в покои, – сообщила я, ничуть не переживая, что о несчастливой супружеской жизни Кессарин пойдут слухи. – Не могли бы вы оповестить его о том, что мне нужна его помощь?

– Если он не хочет с вами общаться, это его право, – скрипил губы Чалерм. – А у меня есть обязанности, от которых вы меня отрываете.

– Это гипнотизировать взглядом пустую столешницу? – прошипела я. – Что ж, значит, придётся навестить главу клана.

Чалерм сделал щедрый жест рукой в сторону выхода.

– Милости прошу.

Я встала и потопала прочь, сжимая кулаки. Нет, ну каков наглец? Кессарин же не какая-то попрошайка с большой дороги, а жена его начальника! Это ему Вачиравит велел со мной так обращаться? Да я не только к главе пойду, я Адульядежу напишу! Чтоб знал, в какие условия отдал дочь!

Древодом Арунотая мне указали несколько прохожих членов клана. Они тут и правда почти все светлокожие, как говорил тот купец. И пусть правящая ветвь рода собирает большую часть махары, но бывают же и самородки, которых берут в клан в детстве. Та же Кессарин, например. Она ведь гораздо темнее всех, кого я видела вокруг. И допустим, её отец не предлагал её в клан в качестве ученицы, но наверняка в городе были и другие одарённые дети, чьи родители были бы рады их так выгодно пристроить.

Мне надлежало подняться вверх по аллее из кругленьких кустиков по колено и фигурных кустов в человеческий рост, вместе с аллеей завернуть за перегиб склона и там выбрать самый чёрный древодом. Кажется, я уже различала его крону. Маленькие кустики интриговали меня всё больше: я остановилась возле одного и пошерудила ладонью в листе. Там не было обрезанных веток. Такое впечатление, будто

кто-то накрывал саженцы круглым колпаком, а когда они его заполняли, замораживал их рост. Но я никогда не слышала, чтобы махарьяты занимались садоводством. Конечно, если они в большом клане и махару некуда девать...

Я скривилась и потопала дальше, но только до первого высокого куста. Это был не куст. Точнее, вроде бы и куст, но... Он выглядел, как человек. Сплетённый из веток и поросший мелкими листиками, но человек. Я бы предположила, что мужчина – в длинной чокхе с рукавами, надетой поверх обёрнутой вокруг ног сатики. Конечно, никаких ног у него не было, только форма сатики, сплетённая из веток, а внутри... Тоже, наверное, ветки. В тугом переплетении мне было не рассмотреть. Предполагаемые волосы мужчины свисали на голове в тугой пучок, а лицом он обратился к небу. Я привстала на цыпочки и заглянула ему в глаза. Неприятное такое зрелище – свитые колечком стебельки на месте зрачков разрушали иллюзию человекоподобия. Я передёрнула плечами и отошла.

Все кусты вдоль аллеи оказались подобными статуями. Я видела мужчин и стариков, женщин и даже подростков. Они росли из земли в одинаковых позах – взгляд в небо, плечи расправлены, руки отведены немного назад, как будто для полёта. Всю дорогу до жилища главы клана я шла между этих растительных композиций, озираясь в опасении, не начнут ли они внезапно шевелиться или переговариваться друг с другом, а голоса проходящих мимо махарьят парочку раз ме-

ня пугали, поскольку казались исходящими от статуй.

Наконец аллея кончилась, и я оказалась на поляне у подножия нескольких разноцветных древодомов. Эти как будто уходили ещё выше в небо, чем мой, но и они сплетались кронами, образуя непрерывный полог. Я задрала голову и повертелась. Над аллеей тоже глухо смыкалась листва древодомов, стоящих по обе стороны от стрёмных статуй. Вот ведь кто-то живёт с видом на этих ребят... Покрутившись ещё, я поняла, что просветов в кронах гигантских лиан нет нигде, насколько хватает моих махарьятских глаз. Так вот почему эта гора называется Оплетённой!

– Пранья Кессарин?

Я крутанулась на месте и обнаружила стоящего посреди поляны Арунотая. На нём, как и вчера, сияли белые с серебром одежды, прекрасно оттеняя его тёмное лицо, почти не подсвеченное узорами.

– А, – выдохнула я, соображая, что собиралась ему сказать. – Да. Я тут засмотрелась... Глава клана. – Я наконец сообразила поклониться. Он вежливо поклонился в ответ. – Я искала вас. Понимаете, мой муж не оставил никаких распоряжений по поводу моего приданого. Там почти пятьдесят сундуков. Моя служанка никак не может затащить их на третий уровень древодома. Я хотела попросить пару учеников помочь, но тут явился некто праат Чалерм и устроил скандал, после чего отказался решать мою проблему как-либо ещё, а также беспокоить пранура Вачиравита. Я просто не

понимаю...

– Пранья, – Арунотай смущённо улыбнулся и выставил перед собой ладонь в примирительном жесте. – Не беспокойтесь. Я понял вашу сложность. Ради небес простите моего брата, у него сейчас тяжёлый период... Наверняка он закрылся в комнате и никого не хочет видеть, потому и не позаботился о ваших вещах. Я немедленно поговорю с праатом Чалермом.

– То есть, – приподняла бровь я, – праат Чалерм всё-таки должен решать этот вопрос?

– Он личный помощник Вачиравита, – пояснил Арунотай, уже входя на аллею. Передвигался он неспешно, с достоинством, элегантно заложив руку за спину. – Кому и заниматься вашим благоустройством, как не ему.

Я посеменила за главой клана: чтобы поспевать даже за его неторопливым шагом, не спотыкаясь о юбку, мне приходилось очень часто перебирать ногами. Что ж, значит, насчёт Чалерма я рассудила правильно. Конечно, хорошо бы мои проблемы решал какой-нибудь более приятный человек, но где наша не пропадала. Справлюсь как-нибудь с Чалермом, тем более если глава клана ему сейчас зарядит головомойку.

Мы проскочили неприятные статуи-кусты так быстро, что я не успела и заметить, и вот уже Арунотай поднимался в покои Чалерма. Я украдкой приподняла юбку, чтобы не наступить на край и не оторвать оборку. Понятия не имею, как Кессарин это носила, она ведь ниже меня ростом!

– Праат Чалерм, – кивнул Арунотай, и тот встал из-за стола и поклонился, так что Арунотай видел только его затылок, а я, всё ещё карабкаясь по лестнице, сквозь ажурные стенки лестничного колодца различила, как Чалерм закатил глаза. Знал, значит, зачем мы пожаловали. – Что же вы не позаботились о пранье Кессарин? Она, между прочим, теперь жена вашего начальника.

– Глава, – Чалерм разогнулся, аккуратно убрав какое-либо выражение со своего лица, – пранур Вачиравит не оставлял мне по поводу неё никаких распоряжений.

– А самим подумать? – мягко пожурил его Арунотай. – Вы же понимали, что после свадьбы пранья переедет сюда, и что у неё будет приданое, и что Вачиравит слишком сильно переживает, чтобы позаботиться обо всём сам.

– Я выполнял задачи, которые пранур Вачиравит определил как важнейшие, – произнёс Чалерм, глядя в стол всё с тем же непроницаемым лицом. – Я подчиняюсь ему и не могу жертвовать вещами, которых он от меня требует, ради вещей, о которых он не сказал ни слова.

Глава клана лёгким касанием провёл пальцами по векам и покачал головой.

– Простите, пранья. Брат действительно немного не в себе, – он обернулся ко мне с виноватым видом. – Вы же знаете, он... пострадал. Я надеялся, что он достаточно оправился, чтобы впустить кого-то в свою жизнь, но, возможно, я был чересчур оптимистичен. Как бы там ни было... Праат

Чалерм, боюсь, мне придётся потребовать, чтобы вы занялись вопросом благоустройства праньи Кессарин немедленно. Мне очень бы не хотелось подрывать доверие праата Адульдежа.

Чалерм сжал зубы, но снова поклонился.

– Постараюсь сделать всё возможное, – процедил он.

Глава улыбнулся.

– Спасибо, праат. Мне жаль, что вы оказались крайним в этой неловкой ситуации. Брату стоило позаботиться о вас, даже если он не счёл необходимым заботиться о своей супруге. Я поговорю с ним, как только он почтит нас своим обществом. Пранья Кессарин, – он повернулся ко мне и снова поклонился. – Простите за причинённые неудобства, мы постараемся исправиться.

– Уверена, это была разовая заминка, – выдавила я, сдержавшись, чтобы не сказать что-нибудь едкое и обидное. В конце концов, Арунотай-то ничем не заслужил. Он имел все основания полагать, что его брат позаботится пусть даже о нелюбимой жене.

– Могу ли я быть ещё чем-то полезен пранье? – спросил глава, явно намереваясь уйти.

Я пораскинула мозгами. Что мне может быть нужно кроме сундуков? Удерживать цвет кожи и думать одновременно пока было сложновато. Тут я чуть не хлопнула себя по лбу: я же собиралась разведать планировку резиденции и найти храм, чтобы спланировать своё нападение! Даже попросила

Чалерма, но так разозлилась на него, что всё вылетело из головы. Ношусь тут с сундуками, которые всё равно не завтра, так послезавтра взлетят на воздух!

– Я н-надеялась, – прозапиналась я, – что кто-нибудь покажет мне резиденцию. Всё-таки мне тут жить...

– О, конечно, как же я не подумал! – спохватился Арунотай. – Праат Чалерм, надеюсь, вам не составит труда провести для праньи небольшую экскурсию?

Честно говоря, я бы предпочла, чтобы это делал кто-то с бóльшим рвением, но, с другой стороны, к Чалерму я хоть не рискую привязаться и проникнуться симпатией, так что он не помешает моим планам.

– Глава, – процедил Чалерм. – У меня есть другие обязанности. Я не могу просто взять и потратить полдня на развлечение праньи.

– Вы предлагаете мне пойти вытащить Вачиравита из его спасительной раковинки и заставить разговаривать с едва знакомой дамой? – приподнял бровь Арунотай.

– Безусловно, нет, – согласился Чалерм. – Но неужели во всём клане не найдётся более свободного человека, чем я?

Арунотай развёл руками с таким видом, словно Чалерм предлагал что-то несуразное.

– Вы заведуете делами Вачиравита, и ваша задача – замещать его в делах, которые даются ему с трудом. Разве это не тот случай? И потом, что подумают о нём подчинённые, если в первый же день после свадьбы я поручу заботу о его мо-

лодой жене кому-то постороннему? К нему и так относятся неоднозначно.

Всё правильно подумают эти подчинённые! И если Вачиравит настолько отличился, что его даже в родном клане не уважают, я почти чувствую горную ба отмщённой. Почти.

Чалерм глубоко вздохнул, но спорить с главой всё же не стал.

– Хорошо, я постараюсь.

Глава снова улыбнулся ему, потом мне, и наконец ушёл.

Чалерм взялся указательным и большим пальцем за внутренние уголки глаз и потёр их.

– Так. Сундуки. Пойдёмте.

Вслед за Чалермом я вышла из его древодома и потрусила куда-то вниз по горе и прочь от обиталищ братьев. Чалерм оказался выше, чем выглядел, ссутулившись за столом, и шаг у него был быстрый. Я рассматривала его спину.

Он отрекомендовался как учёный-историк. Не припомню, встречала ли я в жизни учёных... Может, если только мимоходом. Но мне всегда казалось, что учёные – это такие высушенные дрыщи с пузиками, потому что они ничего тяжелее книжки в жизни не поднимали, а вместо прогулок на свежем воздухе сидят за столами в пыльных библиотеках. Чалерм выглядел скорее как купеческий сынок, привыкший проводить время за бессмысленными, но подвижными делами вроде стрельбы по мишеням или катания на лошадях. То есть для махарьята или воина они были бы осмысленными,

но какой-нибудь Джароэнчай никогда бы не смог применить свои навыки в настоящем бою и развивал их не для этого.

Впрочем, ничто не мешало Чалерму совмещать корпение над книгами с бесцельными увеселениями. В конце концов, я ничего не знаю о том, как учёные проводят свой досуг. Может, сейчас среди них модно подражать молодым богачам по мере возможности.

Чалерм привёл меня к относительно невысокому, зато пузатому древодому чистейшего белого цвета. В обхвате он раза в два превышал мой, зато крона нависала намного ниже. Соседние с ним каркасы тоже отличались пухлыми пропорциями и кварцевой белизной, а ниже по склону кроны и во все раскрывались на том же уровне, что у обычных деревьев.

С одного из балконов свешивался размахившийся хвост верёвки, и Чалерм дёрнул за него, отчего где-то наверху звякнул колокольчик. С балкона выглянуло светлое лицо и убралось обратно. Вскоре из провала между лиан вышел немолодой кряжистый мужчина, темнокожий, как Кессарин.

– Праат Чалерм! – поприветствовал он. – Я думал, вы сегодня заняты!

– Пришлось отвлечься, – пробурчал Чалерм, прожигая взглядом гравий под ногами. – Есть у вас пара человек отнести сундуки праньи на третий уровень?

– А, – усмехнулся мужчина. – А мы-то сидим думаем, когда уже распоряжение придёт. Ждали с утра, я даже придержал пару мальчишек, а всё нет да нет. Пришлось их отпра-

вить полы мыть. Теперь до обеда уж пускай моют, а там пошлю их к пранье.

– Хорошо, – покивал Чалерм и начал разворачиваться.

– Подождите, – выпалила я, не сдержавшись. Пусть сундуки мне ни к демону не сдались, но природное стремление к порядку не позволяло просто оставить эту тему. – А что за такие срочные полы они моют?

– Почему срочные? – пожал плечами мужчина, которого Чалерм мне даже не представил. – Обычные полы.

– Но вы хотите, чтобы они сначала домыли полы, а потом занимались моими сундуками, – напомнила я, снова закипая. – Я жена наследника клана. Что за высокопоставленное лицо у вас тут настолько выше меня рангом, что его полы важнее моих сундуков? Или там кому-то плохо станет, если их вовремя не помыть?

– Да нет... – развёл руками мужчина.

– Пранья, клан живёт не одними вашими проблемами, – огрызнулся на меня Чалерм. – У людей есть планы. Никто не будет ради вас по первому намёку всё бросать и нестись вас ублажать.

– А почему нет? – Я искренне не понимала. В моём представлении Арунотай очень хотел оставаться в хороших отношениях с Адульядежем, а Кессарин была избалованной богачкой, которая привыкла, что по первому намёку все строятся в две шеренги и, таки да, бросаются её ублажать. Я уж не говорю о том, что распорядитель, или кто он там, мог бы

сам пойти к господам и спросить, не надо ли что-то сделать с багажом, раз он ожидал и не дождался приказа. Но чтобы какие-то полы оказались важнее приданного кананичны – это бред, навеянный болотными испарениями!

Чалерм смотрел на меня в таком же изумлении, как я на него.

– Потому что, – медленно произнёс он, – у людей есть обязанности. Они работают в соответствии с расписанием. И ваши сундуки в этом расписании отсутствуют.

Мне показалось, что даже произнося это, он сам почуял, что несёт ахинею.

– Мои сундуки будут точно так же отсутствовать в расписании и после обеда, – заметила я. – Более того, всё моё существование, скорее всего, отсутствует в расписании всех жителей горы, потому что до вчерашнего дня меня тут не было. И если кое-кто не потрудился это расписание изменить с учётом моего появления, то кое-кто может заняться этим прямо сейчас.

Чалерм смотрел на меня с ненавистью, но с ответом не находился.

– Так-то пранья верно говорит, – осторожно протянул распорядитель. – После обеда парни должны дорожки ровнять. Я это только к тому сказал, что бросать начатое как-то нехорошо...

– Вашим сундукам ничего не сделается, если они постоят до обеда, – наконец придумал отговорку Чалерм.

– А если пойдёт дождь? – ядовито улыбнулась я. Конечно, сундуки скорее всего не промокнут, но отсыреют, а тут и так влажно, могут заплесневеть, а в них шелка...

– Да не пойдёт никакой дождь! – фыркнул Чалерм.

Я ткнула пальцем в кроны над головой.

– Откуда вы знаете? Вы небо видите? И я нет.

Чалерм постоял ещё, раздувая ноздри, но наконец сдался и махнул рукой распорядителю.

– Займитесь её сундуками, Дирек, – бросил он и всё-таки пошёл прочь.

– Сундуки перед домом пранура Вачиравита, – дополнила я это кучее указание. – Их надо поднять в мои покои на третий уровень и поставить туда, куда укажет моя служанка Буппа. До того, как поднимать, уточните у неё, с каких начать и в каких хрупкие вещи.

– Разумеется, пранья, – покивал Дирек и неторопливо топтал обратно в свой пузатый древодом, надеюсь, чтобы отправить более резвого посыльного за грузчиками. Если бы в моём клане так расслабленно относились к приказам старших по рангу, мы бы просто не выжили! Конечно, я понимаю, что у нас и домов было только три, и людей стократ меньше, так что всё делалось быстро и позвать кого-то можно было, просто крикнув. Но в большом клане и порядки должны быть какие-то другие!

Пока я поджаривалась на собственном возмущении, Чалерм успел упороть за перегиб склона. Я уже было кину-

лась его догонять бегом, когда вспомнила, что я не махарьятта-сорванец в шароварах, а кананична Кессарин в длинной юбке, и бегать за какими-то учёными мне уж точно не пристало. Я даже сомневалась, пристало ли мне его окликнуть. Хотя, если уж он не подождал меня сам, что толку окликать? Не забыл же он о моём существовании, в самом деле!

Поэтому я молча пошла обратно по дорожке, не торопясь и рассматривая всё, что попадалось на глаза. Чалерм должен был провести мне экскурсию? Будем считать, что это она.

Тропинка вилась по склону зигзагом, так что идти было нетрудно, да и навстречу никто не попадался. Повертев головой, я разглядела на соседних тропинках всего пару человек, но в целом резиденция казалась безлюдной. Впрочем, древодома росли так часто, что с любого места взгляду открывался только небольшой пятачок с кустами, а дальше всё тонуло в зелени и вертикальных полосках стволов. В ста шагах от меня могла шествовать целая дивизия охотников, и я бы их не увидела. Да и звуки тонули в листве и густом влажном воздухе.

Даже со склона обзор открывался так себе. Никаких тебе захватывающих дух видов с горной вершины – глухой зелёный полог пропускал свет маленькими пятнышками, позволявшими расти траве и кустам, но никак не смотреть вдаль. Кстати, кусты в форме людей здесь тоже были. Не вдоль дорожки, как наверху, а случайным образом раскиданы между древодомами, иногда группками, иногда поодиночке.

Уровнем выше дома подросли, но всё ещё оставались толстенькими. Здесь я наконец увидела людей – на балконах сидели подростки, свесив ноги между выгнутыми жердями. Некоторые из них читали, другие болтали или устраивали шуточные потасовки. Короче говоря, типичные ученики. Я прищурилась, но не высмотрела никого особо темнокожего. Земля у них не родит махарьятов, что ли?.. Может, Кессарин – какой-то уникам?

– Пранья!

Я подняла голову. Чалерм стоял на выступе скалы двумя витками дорожки выше меня.

– Да-да?

– Где вы там застряли? Мне казалось, вы хотели осмотреть резиденцию! Может, я вам для этого уже не нужен?

Я хотела ответить, что он мне и среди пустыни с кувшином воды не сдался, но он ведь мог и буквально понять.

– Праат Чалерм, я не буду за вами бегать. Это бы странно выглядело, не находите?

– Ну, прибавьте шагу хоть! – буркнул он.

– Я иду так быстро, как мне комфортно, – сказала я и остановилась. – И не понимаю, почему мне приходится выслушивать понукания.

Он закатил глаза, потёр лицо руками и отошёл от края. Когда я наконец добрела до выступа, оказалось, что он присел на камень под скалой и медитирует на сомкнутые кроны. Да-а, а медитировать тут не очень весело, наверное, с этой

зелёной крышей. Ни тебе восходов, ни тебе закатов.

– Есть ли на горе места, где видно что-то кроме листьев? – спросила я, не дожидаясь, пока он снова начнёт возмущаться.

– Только на самом пике, – пробормотал он. – Но туда нельзя ходить.

Ясен перец, нельзя! На пике же живёт их амард!

Кстати, я даже не знала, амарданур у них или амардавика. Как-то никогда не интересовалась. Спросить бы, но Кессарин же наверняка с детства о нём слышала. Когда живёшь у подножия амардъей горы, хоть раз в жизни-то увидишь хозяина, а если и нет, то родные расскажут. Но... Как ещё мне узнать? Спросить Буппу? Как-то странно в махарьятском клане задавать вопросы про их амарда служанке из города.

– А расскажите о хозяине горы, – аккуратно попросила я. Чалерм покосился на меня странным взглядом.

– Это вы кого другого лучше попросите.

– Почему? – удивилась я.

Он отвёл свой странный взгляд и скривился.

– Я не знаю, что мне следует вам сказать.

Я открыла рот, чтобы задать сто тысяч вопросов, но Чалерм внезапно указал рукой куда-то за мою голову.

– Здесь источник для медитаций. Не советую приближаться, потому что юноши часто занимаются этим голыми. За ним выше по склону ученические купальни...

Я слушала его внезапно подробные объяснения и обдумывала, как бы выяснить вопрос с амардом. Спросить Арунотая? Или прямо сразу пролезть на пик и подглядеть, кто там живёт? И что-то второй вариант начинал мне нравиться всё больше...

Глава 7 Права и кусты

Чалерм тараторил, как заведённый, и я едва успевала осознать то, что он говорил, как он уже переходил к следующему объекту. Когда экскурсия наконец кончилась, я даже не знаю, кто из нас вздохнул с бóльшим облегчением. Но пока я вздыхала, он распрощался и сбежал. Только после этого я сообразила, что ничего сегодня ещё не ела и понятия не имею, как добыть еду.

То есть ученическую столовую он мне показал, но я же не ученица, а у них тут, как я успела убедиться, правила негибкие, м-да. Вздохнув, я потопала в дом Вачиравита. В конце концов, денёк без еды я перебыюсь, а там уже и не надо будет. План резиденции я теперь знала, где находится храм – тоже, оставалось придумать, как это всё уничтожить.

Оглядевшись, я шмыгнула к ближайшему древодому. Тропинка к нему совсем заросла, так что я решила, что там никто не живёт. Присела за куст и аккуратненько призвала пригоршню огня на одну из лиан. Как я и ожидала, ничего не произошло. Древодома были зачарованы от огня. Это логично, я бы тоже так сделала, и в моём клане все деревянные постройки обязательно заговаривали от пожара. Только у нас их накрывали общим покровом, который при желании можно было с уголка надорвать и распустить полностью, а тут, насколько я поняла, обойдя дерево кругом, каждое было

защищено отдельно, да и где подцепить плетение, я не видела. Значит, просто поджечь не удастся...

Конечно, можно было бы поднять стену огня вокруг каждого древодома и надеяться, что жители задохнутся внутри. Но, во-первых, не факт, что дома не имеют защиты и от этого – мало ли, может, они через крону как-то вентилируются. А во-вторых, теперь, когда я всерьёз это себе представила, мне стало жутко. Всё время с тех пор, как я приняла решение обратить свою жертву в мечь, я старательно избегала представлять себе, что именно я собиралась делать и как. Теперь же, когда меня больше ничто не останавливало и следовало сосредоточиться на своей миссии, я поняла, что не готова мучить людей. Даже Чалерма, не говоря уж о случайно попавшихся на глаза учениках и охотниках. Я просто так не могу.

М-да, а ещё пожар собиралась устроить. Я покачала головой, сокрушаясь о собственной бесхребетности. Отец согласился на мой план только потому, что считал меня достаточно сильной, чтобы отомстить. Что он скажет, если узнает, что я не смогла поднять руку на врагов? Я стану главным разочарованием семьи на все грядущие поколения! Но даже перспектива такого позора не подтолкнула меня к обдумыванию более жестокой расправы. В конце концов, я обещала устроить на Оплетённой горе бедствие и поубивать большую часть жителей. Я ничего не обещала в плане пыток и жестокости. Вот из этого и будем исходить.

Следующим логичным способом было отравление. Я знала яды, от которых люди умирали безболезненно. И даже в принципе могла бы их достать... Правда, на всю гору понадобится очень много. Да и еду готовят для учеников отдельно, для учителей отдельно, а для основной ветви клана вообще в третьем месте. Будет сложно подсыпать всем одновременно, чтобы никто не успел догадаться, увидев, как другие падают. А что если они едят не все одновременно? У нас в клане к столу зазывали гонгом, а здесь я ничего такого не слышала. Чалерм что-то говорил о времени трапез, и теперь я припоминала, что жители горы могли есть в определённые промежутки времени длиной в три больших чаши. За три чаши от первого до последнего едока не только яд обнаружат, но и меня вычислят!

Нет, травить еду тоже не подходило. Значит, надо было травить воздух.

Я чуть не шлёпнула себя по лбу. Мне просто нужно приволочь на гору одного из демонов, источающих яд! Ну, может, заморозить ветер так, чтобы дул во все стороны. Но это было делом плёвым. Несколько труднее представлялось самой остаться в живых — ядовитые демоны ядовиты для всех, махарьят ты или кто. Поймать такую тварь и засунуть во вселенский мешок несложно, но вот когда вытряхнешь... Если делать это в храме, то я смогу воспользоваться его защитой, наверное. Надо пойти осмотреться. Я пока только снаружи храм видела, но никто же мне не запретит туда зайти?

А ещё надо придумать, под каким предлогом покинуть резиденцию. Вот с этим могут быть сложности. Я понятия не имела, как они тут отнесутся к тому, что новобрачная пойдёт куда-то гулять, да ещё одна. Брать на такое дело Буппу точно не стоило, не говоря уже ни о ком другом. Значит, надо было выскользнуть тайком, ночью. Правда, до этого хорошо бы как-нибудь узнать, в какой стороне от горы вероятнее всего обнаружить ядовитого демона... Всё-таки Саинкаеу – большой и успешный клан охотников, уж наверное прореживают поголовье демонов вокруг своей горы. Те, конечно, постоянно появляются вновь, ведь дыры в ткани мирового порядка сами собой не затягиваются. А если учесть, сколько Саинкаеу грешат, может, не так уж и сложно найти поблизости подходящую тварь...

За всеми этими размышлениями я отошла довольно далеко от древодома, который пыталась поджечь, и когда сзади послышалась какая-то суeta и крики, не сразу сообразила, в чём дело. Я обернулась на звуки и даже прошла несколько шагов назад, прежде чем поняла: махарьяты окружили ствол и рыскали в траве, проверяя защитные барьеры. Эге, да моя маленькая попытка что-то поджечь привлекла столько внимания? Ничего себе у них тут охранные чары! С демоном придётся быть особо осторожной, чтобы меня не прикончили, пока я сама не справлюсь.

И тут я вдруг осознала одну вещь... Которую должна была осознать ещё позавчера, но как-то... под руку она не подво-

рачивалась. Я же отправила домой махару в количестве равном тому, что в моём теле. Мне нет необходимости отправлять им ещё. Это значит, что даже если меня убьют раньше, чем я проведу ритуал, я не подведу семью. Конечно, лучше бы отдать им и мою махару тоже, но эту часть своего обещания я уже выполнила. И тогда... Тогда получается, что мне можно и вовсе не умирать! Ведь моя смерть исходно была нужна только потому, что нужна была махара, но раз я нашла другой источник махары, то разве я не выполнила долг?

Конечно, я всё ещё не выполнила ту часть плана, которая про истребление Саинкаеу. Но после этого... Может, я смогу вернуться домой?

– Пранья!

Я подлетела в воздух на добрый локоть, и махара тут была вовсе ни при чём. Обернувшись, я с облегчением узнала Буппу.

– Вы завтрак-то прогуляли, обедать хоть пойдёте? – спросила служанка, оглядывая меня с неудовольствием.

– А... есть обед? – изумилась я.

– Ну как, – вздохнула Буппа. – Я сходила на кухню, где господам готовят, накрутила им там хвосты. Ещё отказывались вначале, мол, пранур ничего не велел! Я им говорю, а своей головы нет, что ли? Без пранура не догадаетесь, что пранью тоже кормить надо, или думаете, ей папенька из города присылать передачи должен? В общем, не порвались, сготовили и на вас, стоит ждёт всё в комнатах.

Ну что ж, если я не собиралась в ближайшее время покидать этот мир, то не было никаких причин отказываться от еды! Я решительно направилась к дому и тут же споткнулась об юбку. Хорошо, Буппа поймала за локоть. Нет, с этой одеждой надо что-то придумывать, в шелках до пола я никуда не прокрадусь!

– Сундуки-то принесли? – спросила я.

Буппа кивнула.

– Явились два молодчика, затащили всё. Я уж думала, до сезона дождей не сподобятся.

– Я им тоже, как ты говоришь, хвост накрутила, – тихо сказала я.

Буппа покачала головой.

– Не понимаю. Приличные же господа эти махарьяты, что ж они так обращаются с вами? Это никуда не годится! Я уж грешным делом начала думать, не взбрело ли им вас извести или выкурить!

Мои глаза раскрылись шире. Могли ли Саинкаеу узнать, что я на самом деле не Кессарин? Но как? То есть, ясно как – если её кто-то из них всё-таки видел дольше одной малой чаши. Пусть не братья, но кто-то из их окружения... Ниран был так уверен, но откуда ему знать? И Кессарин могла быть не в курсе, что кто-то из клана наблюдал за ней во время обеда в городе или ещё где... Или! Или Вачиравит всё-таки видел меня тогда на горе и узнал?

Но если они догадались, разве бы не заявили об этом сра-

зу и открыто? Уж наверное Арунотай велел бы мне явиться пред ясны очи, расспросил, а то и к Адульядежу отвёз. Мало ли, как так вышло! Что если я убила Кессарин или заперла где-нибудь? Не мог же он просто так узнать, что я – не я, откинуться на подушки и посвистывать, глядя в потолок, пока его подчинённые отказывали мне в ежедневных надобностях. Это бред.

Может, тут кто-то затаил злобу на саму Кессарин?

– А что бы сделала Кессарин на моём месте? – прошептала я.

Буппа пожала плечами.

– Написала бы праату Адульядежу, наверное. Правда, они последние несколько месяцев не в лучших отношениях... Может, конечно, нажаловалась бы ему, чтобы видел, куда её отдал, а может... Прати та ещё интриганка, могла и похитрее что придумать.

Меня это не утешило вот вообще. Писать Адульядежу я не собиралась – у меня и почерк не тот, я без понятия, как Кессарин с ним разговаривала, да и вообще, а вдруг явится сюда или затребует приехать? Можно было написать Нирану, но... что толку? Пускай он обещал помочь, если что, но я не очень-то ему верила. Ему нужно было заполучить Кессарин, а теперь какое ему до меня дело? Я и не просила ни о чём, думала же, что мне жить всего пару дней. Нет, требовать заступничества пока не стоило. В ближайшие дни как-нибудь перебыюсь, а там и от Саинкаеу ничего не останется, и не так

уж важно, был у кого-то из них зуб на Кессарин или на меня.

Обед оказался весьма пристойным, если только чересчур изысканным. Я не привыкла ко всем этим нежным кремам и тающим во рту корочкам, и под конец трапезы чувствовала себя немного так, будто наглоталась слизи. Мой живот от еды ожидает, что с ней надо будет сражаться, а потом плясать на костях, а тут вдруг какая-то каша. Буппа, с которой мне пришлось разделить яства, потому что на её долю никто ничего не принёс, со мной согласилась:

– Господская еда на один зубок. Попробую вечером на служебной кухне чего-нибудь ухватить для вас.

А я понадеялась, что Саинкаеу не выясняли, какие у Кессарин любимые блюда.

После обеда я перерыла все сундуки Кессарин и отобрала вещи, в которых чувствовала себя комфортно. После этого Буппа отложила из них те, которые подходили для ежедневной носки. Получился десяток нарядов разных цветов, и меня это полностью устроило.

Итак, передо мной стояли три задачи: разведать храм на предмет охранных чар, добыть ядовитого демона и... ну, можно было уже признать, что я собиралась прокрасться на вершину и подглядеть, что там за амард снабжает этот человек махарой.

В том, что касалось демона, мне было бы неплохо для начала поболтать с кем-нибудь, кто ходит на охоты. Вачиравит наверняка знал, где в округе есть такие твари, но его поди

отлови... Я попыталась спуститься по лестнице до второго уровня, но стоило моргнуть – и снова оказалась на земле. Даже известные мне отмычки для чар не помогали. Ну ладно же, погоди у меня, муженёк, всё равно живым не уйдёшь! А я найду, кого спросить. Уж в таком огромном клане небось каждый второй – охотник.

Лезть на пик я предполагала вечером – когда уже стемнеет, но люди ещё не лягут спать. Амарды имеют обыкновение слезать с гор по ночам и бродить среди человеческих жилищ или навешиваться в гости друг к другу, так что совсем уж поздно я могла и не застать хозяина.

Значит, первый пункт плана – разведать храм. Вот туда я и направилась, наслаждаясь свободой передвижения. В отличие от других моих дел посещение храма – совершенно естественное занятие для молодой барышни, а уж тем более для новобрачной.

Храм у Саинкаеу соответствовал размаху их клана. Это был почти целый город, занимавший собой плато в верхней части резиденции. Земля под ногами здесь была такая ровная, что скорее всего это плато вырубili специально под храм. Интересно, что сказал на это амард. Они не очень-то любили, когда люди слишком увлекались преобразованием природы вокруг себя.

Чалерм показывал мне это сооружение только издалека, и теперь, приблизившись, я видела, что никакое это не сооружение. Храм тоже, как древодома, вырос из земли мно-

жеством тонких, гибких стволов, которые не смогли бы держать собственный вес, если бы не опирались на собратьев. Неровность природных форм делала храм бугристым и извилистым – его колонны и арки будто колыхались или пританцовывали, поводя бёдрами. Меня даже немного укачало от этого зрелища.

Он и состоял почти исключительно из колонн и арок – на одном их ряду сверху громоздился второй, поуже, потом третий, ещё уже, и так далее, пока вся ажурная композиция не заканчивалась витой башенкой. Некоторые из лиан разворачивали нежные, прозрачно-зелёные листики, а другие вывешивали такие же бороды цветов, как у меня в покоях. Меж плетёных колонн гулял прохладный ветер, а внутри я слышала журчание фонтана. Что ж, расстарались ребята, ничего не могу сказать.

Я вошла под ажурную сень, рассматривая сплетение веток, образующее своды. Всё же невероятно интересно, как Саинкаеу заставляют растения принимать заданные формы. Я решила хотя бы посмотреть, нет ли чего-нибудь об этом в моей маленькой библиотеке, а если нет, то наведаться в большую общественную, которую мне показывал противный учёный.

Вошла – и обомлела. Сначала мне показалось, что храм битком набит людьми, застывшими в молитвенных позах. Но через мгновение, когда глаза привыкли к тени, я поняла, что это статуи. Такие же точно статуи, как на той аллее и

езде вокруг среди древодомов. Сплетённые из веток человеческие формы. Их тут были сотни. Может, и тысячи.

В основном они стояли кругами, оставив свободным срединный алтарь – тоже круг, внутри которого на полу высекают заклęcia, чтобы отправлять подношения и хвалу амарду. У самого края алтаря статуи теснились так, что и не подойдёшь, но дальше становилось свободнее. Поодаль от центра некоторые из статуй обратились лицом в сторону или даже друг к другу. Я боязливо прошлась между рядами у внешних колонн, где расстояния от статуи до статуи позволяли точно ни одной не коснуться. Я спрашивала о них у Чалерма, но он ответил нечто невразумительное и сразу перескочил на другую тему, а я не успела его удержать.

Большинство этих странных замерших кустов изображали людей в символических позах: с руками, отведёнными назад, или сложенными в молитвенном жесте, или воздетыми к небу. Но потом я рассмотрела одного парня, чешущего в затылке. И ещё одну женщину, закрывшую лицо руками. В основном все статуи изображали людей молодых или среднего возраста, но попало мне и несколько явных старушек и стариков и даже группа детей от мала до велика. Кто-то из них был неряшливо одет, хотя их одежду изображали сплетённые ветки, так что сказать с уверенностью было нельзя. Но всё же... Были тут и растрёпанные, и припавшие на одну ногу, будто вторая болела, и просто замершие в случайных позах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.